VII 1219

БИБЛІОТЕКА ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
13235

КНИЖНОЕ СОБРАНІЕ
П. Е. КЕППЕНА
№ 2
Отдѣлъ каталога XXI V.
Шкафъ XIV
Полка 3
№ 5

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю. Н. СИМАШКО.

БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

№ 6. АВГУСТЪ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Сентября 1871 года.

НѢМЕЦКІЙ УЧИТЕЛЬ.

Изъ воспоминаній гимназиста.

Мнѣ было 11 лѣтъ, когда меня отдали въ гимназію. Гимназическая жизнь съ первыхъ же дней очень понравилась мнѣ. Ученье у меня шло отлично: я былъ хорошо подготовленъ дома да и способности у меня были недурныя. Съ товарищами я также скоро сошелся; съ ними мнѣ было весело, гораздо веселѣе, чѣмъ дома съ братомъ и съ сестрами. Дома бывало вздумаешь подраться съ младшимъ братомъ Ѳедею, сейчасъ маменька или гувернантка идутъ разнимать да читать наставленія, а не послушаешь, пожалуй еще и накажутъ; подшутишь немножко надъ которой-нибудь изъ сестеръ, она въ слезы, опять приходится выслушивать наставленія да терпѣть непріятности. То ли дѣло въ гимназіи! Драться, правда, также не позволяли, но гдѣ же гувернерамъ въ рекреацію усмотрѣть за всѣми. Иной разъ такъ поколотишь кого-нибудь изъ слабенькихъ, что онъ нѣсколько дней и подойти боится; конечно, и самому доставалось получать не мало шишекъ и синяковъ, ну, да не бѣда, хоть больно, да за то весело! А ужь сколько штукъ можно было разъигрывать надъ товарищами! Плакать у насъ никто не смѣлъ; бывало, у кого увидимъ слезы, покою не дадимъ насмѣшками, такъ всѣ ужь и знали; другой разъ кому и очень обидно, а сдѣлаетъ видъ, что ничего, еще самъ смѣется. Слабые, тихіе, плаксивые у насъ никому не нравились. Я же былъ и силенъ, и ловокъ, и смѣлъ,

меня товарищи очень полюбили. По ученью я былъ одинъ изъ первыхъ въ классѣ, а по шалостямъ, можно сказать, самый первый. Никто лучше меня не могъ подмѣтить разныя смѣшныя стороны и въ товарищахъ, и въ учителяхъ, никто не умѣлъ давать такихъ мѣткихъ прозвищъ, никто не зналъ такъ хорошо, чѣмъ раздразнить новичка, никто не умѣлъ такъ ловко увернуться отъ гувернера, такъ искустно разсердить вспыльчиваго учителя и потомъ прикинуться, что не понимаешь изъ за чего онъ горячится. Товарищи хвалили меня за мою ловкость и находчивость, мнѣ было пріятно слышать ихъ похвалы и я, чтобы угодить имъ, да и себя потѣшить, всякій день выдумывалъ какія-нибудь новыя штуки. Было у насъ, правда, въ классѣ человѣкъ 8, 9, которымъ я очень не нравился. Они называли меня забіякой, злымъ мальчишкой, пророчили мнѣ всякія несчастія въ будущемъ, но на ихъ слова не стоило обращать вниманія: они сердились на меня за то, что я называлъ ихъ «барышнями», «нюнями», «овсянымъ киселемъ» и т. п. именами. Учителямъ я нравился, потому что всегда бойко отвѣчалъ на ихъ вопросы и зналъ всѣ уроки, которые они задавали; на мои шалости они смотрѣли сквозь пальцы и всегда хвалили меня, какъ самаго умнаго и способнаго ученика въ классѣ. Одинъ только учитель нѣмецкаго языка почти съ первыхъ же уроковъ не взлюбилъ меня. Онъ, правда, не дѣлалъ мнѣ выговоровъ, даже не говорилъ обо мнѣ ничего дурнаго, но я замѣчалъ, что онъ спрашиваетъ у меня уроки гораздо строже, чѣмъ у другихъ, никогда меня не похвалитъ и всегда смотритъ на меня не то что строго, а какъ то глупо, печально. Мнѣ этотъ нѣмецъ также ужасно не нравился; онъ, правда, училъ насъ хорошо, всѣ мальчики замѣчали, что съ нимъ они дѣлаютъ гораздо больше успѣховъ чѣмъ, напримѣръ, съ французомъ, то и дѣло задававшимъ намъ выучивать наизустъ какія то длиннѣйшія басни да анекдоты, въ которыхъ мы не понимали ни слова; онъ никогда не сердился въ классѣ, какъ учитель ариѳметики, который иногда со злости уставлялъ весь журналъ нулями да единицами; онъ всегда очень терпѣливо объяснялъ намъ все, чего мы не понимали и, кажется, отъ души радовался, если мы помнили его объясненія и отвѣчали хорошо; но за то если бы вы могли себѣ представить, какой онъ былъ смѣшной съ виду! Вообразите себѣ высокаго,

длиннаго человѣка, худаго, какъ спичка, съ шеей, какъ у журавля, съ тоненькими ножками, длиннѣйшими руками, огромными, какими то искривленными пальцами. Онъ держалъ голову какъ то вытянувши впередъ, лицо его всегда имѣло не то испуганное, не то плаксивое выраженіе. Его маленькіе сѣренькіе глазки безпрестанно слезились и какъ то уморительно мигали, если что нибудь радовало его; губы его были очень тонкія, почти не замѣтныя, за то носъ его, всегда перепачканный въ табакѣ, величественно возвышался подъ двумя клочками сѣрыхъ нависшихъ бровей. Волоса его, не то сѣдые, не то сѣрые, торчали во всѣ стороны и дѣлали его еще безобразнѣе. Одѣвался онъ всегда отвратительно: бѣлье на немъ рѣдко бывало чистое и выглаженное; изношенное, дурно вычищенное платье не сидѣло на немъ, какъ на всѣхъ людяхъ, а висѣло, точно на вѣшалкѣ. Рукава его всегда были коротки, а сапоги напротивъ ужасно велики и часто въ заплаткахъ. При этомъ онъ не умѣлъ и держаться какъ слѣдуетъ: ходилъ всегда, выгибая колѣнки и странно выворачивая ноги, вытягивалъ впередъ свою длинную шею, видимо не зналъ, куда дѣвать свои огромныя руки, безпрестанно конфузился, краснѣлъ, тупо улыбался и растерянно смотрѣлъ по сторонамъ; нюхая табакъ, онъ засовывалъ въ носъ огромную щепотку, потомъ начиналъ чихать страшно громко, самъ какъ будто стыдился шуму, который производилъ, страшно краснѣлъ и начиналъ быстро сморкаться, испуганно поглядывая на насъ. Въ первый же разъ, какъ я увидѣлъ этого учителя да услышалъ его чиханье и сморканье, я не могъ удержаться отъ смѣха. Я тутъ же прозвалъ носъ его «Гедеоновой трубой» и объявилъ товарищамъ, что буду теперь въ задачахъ превращать аршины не въ сажени, а въ Иванъ Карловичей (такъ звали нѣмца), такъ какъ это все равно ходячая сажень. Мысль моя понравилась всѣмъ мальчикамъ и послѣ того мы всегда, приготовляя уроки для учителя ариѳметики, считали не «сажень имѣетъ три аршина», а «Иванъ Карловичъ имѣетъ 3 аршина, слѣдовательно 7 Иванъ Карловичей имѣютъ 21 аршинъ». Я уже говорилъ, что Иванъ Карловичъ не любилъ меня; его особенною пріязнью пользовались у насъ всѣ «нюни», «овсяные кисели», которыхъ я терпѣть не могъ; онъ никогда не кричалъ на нихъ, чтобы они отвѣчали урокъ громче; замѣчая, что кто нибудь изъ

нихъ конфузится, онъ подзывалъ къ себѣ и начиналъ спрашивать тихонько, чуть не шопотомъ; если кто-нибудь плакалъ изъ за дурной отмѣтки въ журналѣ, онъ всегда или прибавлялъ балъ, или совсѣмъ вычеркивалъ, говоря: «Ну, ничего, не надо плакать, другой разъ вы будете знать, я буду ставить 5.» — Особеннымъ расположеніемъ Ивана Карловича пользовался у насъ маленькій Малининъ, прозванный мною «Малашей». Онъ и вправду больше походилъ на дѣвочку, чѣмъ на мальчика. Маленькій, бѣленькій, худенькій, онъ всегда сторонился отъ всѣхъ товарищей, не принималъ участія въ играхъ, безпрестанно краснѣлъ, всего пугался и часто потихоньку плакалъ въ уголку, такъ, чтобы никто не видалъ. Онъ учился прилежно, но вѣрно былъ мало способенъ, потому что рѣдко хорошо отвѣчалъ уроки. Разъ какъ-то Иванъ Карловичъ вызвалъ Малинина писать на доску заданный намъ переводъ, а потомъ велѣлъ мнѣ поправить его ошибки. Я началъ читать. Боже мой! какую галиматью написалъ глупый мальчикъ! Онъ переводилъ: Er geht nach der Stadt — «онъ идетъ *послѣ* города». Er sagte unter anderem—«онъ сказалъ *подъ* другимъ». Wie geht's Euch?—«какъ вы ходите?» Я не могъ удержаться отъ смѣха и сталъ громко читать всему классу переводъ Малинина. Малининъ сильно покраснѣлъ, на его черненькихъ глазкахъ навернулись слезы, онъ дергалъ меня за рукавъ и тихонько просилъ: «оставь, не надо, не читай, я не умѣю, оставь». Но я не обращалъ на него вниманія, и при каждой новой глупой фразѣ раздавался хохотъ товарищей. Вдругъ я почувствовалъ, что чья то рука легла мнѣ на плечо. Я оглянулся, подлѣ меня стоялъ Иванъ Карловичъ. Лицо его было красно, онъ смотрѣлъ на меня какъ то особенно печально, даже строго. «Перестаньте, сказалъ онъ мнѣ громко, прерывающимся голосомъ, лучше не знать урока, нежели злое дѣло дѣлать. Малининъ малъ, онъ будетъ большой, выучится, будетъ умный, а вы всегда недобрый... всегда злой... и большой... никто васъ не будетъ любить. Садитесь на мѣсто, дурной товарищъ, злой человѣкъ!» И онъ тихонько толкнулъ меня къ моему мѣсту. Я былъ пораженъ. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ гимназіи, мнѣ приходилось выслушивать выговоръ при цѣломъ классѣ отъ смѣшнаго нѣмца! Щеки мои горѣли; я страшно злился; кажется, я готовъ былъ прибить Ивана Карловича. Я взглянулъ на товари-

щей, они подсмѣивались надо мной и я по ихъ лицамъ видѣлъ, что они считаютъ меня не правымъ. Мнѣ стало еще досаднѣе и я рѣшился въ душѣ отомстить нѣмцу, который такъ осрамилъ меня передъ всѣми. До сихъ поръ онъ мнѣ былъ только смѣшонъ, теперь же я находилъ его отвратительнымъ. Я сказалъ самому себѣ, что съ этихъ поръ никогда не буду учить ему ни одного урока (въ то время мнѣ казалось, что мы учимся для учителей, а не для своей пользы), и въ тотъ же вечеръ забросилъ свою нѣмецкую книгу куда-то за шкафъ. Но не учиться одному мнѣ казалось неловко и непріятно, я рѣшилъ, что ужь лучше подговорить весь классъ не готовить уроковъ для нѣмца. Я сейчасъ же началъ приводить свою мысль въ исполненіе. Въ числѣ моихъ товарищей было человѣкъ 5, 6 отъявленныхъ лѣнтяевъ, для которыхъ не было бо̀льшаго счастія, какъ сговориться всѣмъ классомъ не отвѣчать какому нибудь учителю. При моемъ предложеніи не готовиться къ нѣмцу, они запрыгали отъ радости и охотно стали помогать мнѣ подговаривать классъ. Подговоры эти дѣлались у насъ очень легко. Лѣнивые ученики рады были, что не они одни получатъ дурной балъ, не очень прилежные не прочь были освободиться хоть отъ одного урока, а самые прилежные боялись идти противъ товарищей. Въ слѣдующій нѣмецкій классъ нашъ Иванъ Карловичъ вошелъ въ комнату какъ-то особенно весело и развязно и сейчасъ же послалъ одного мальчика писать на доску, а другому велѣлъ читать и переводить. Мальчикъ прочелъ фразу и остановился.

— Nun, weiter, дальше, übersetzen Sie, переводите, говорилъ нѣмецъ.

— Я не умѣю.

— Какъ, ничего? Слова вы учили?

— Нѣтъ.

— Отчего? Были вы больны?

Воспитанникъ молчалъ. Нѣмецъ обратился къ его сосѣду, та же исторія.

Онъ вызвалъ меня, какъ лучшаго ученика въ классѣ; я даже читать не сталъ, сказалъ не умѣю, забылъ. Иванъ Карловичъ взглянулъ на доску; воспитанникъ, вызванный писать на ней, не написалъ ни слова. Тогда нашъ нѣмецъ понялъ, что

противъ него заговоръ. Боже мой, что съ нимъ сдѣлалось! Онъ весь покраснѣлъ, какъ ракъ, маленькіе глазки его заскрились и забѣгали въ разныя стороны, шея его какъ то необыкновенно вытянулась впередъ, онъ что то хотѣлъ сказать намъ, но голосъ его прервался и онъ задыхаясь могъ только произнести: Dumm, sehr dumm, глупо, себѣ худо, зачѣмъ, урокъ не большой.... Онъ былъ до того невообразимо смѣшенъ въ эту минуту, что даже Волковъ, всегда серьозный и смирный мальчикъ, не могъ удержаться отъ смѣха, я же съ товарищами хохоталъ во все горло.

Это окончательно смутило Ивана Карловича. Онъ соскочилъ съ каѳедры, началъ бѣгать по комнатѣ, подходилъ то къ той, то къ другой скамейкѣ, размахивалъ руками, силился что-то сказать и, видя, что всѣ хохочутъ, опять отходилъ прочь. Наконецъ, онъ отчаянно махнулъ на насъ рукой и выбѣжалъ изъ класса. Мы сначала струсили немножко, думали, не пойдетъ ли онъ жаловаться инспектору. Но нѣтъ, нашъ Карлъ Ивановичъ былъ не изъ таковскихъ; онъ помѣтилъ въ журналѣ, что не кончилъ урока по болѣзни и что задалъ намъ повторить старое, никому не выставилъ дурной отмѣтки и никому не разсказалъ о нашей продѣлкѣ.

Съ этихъ поръ отказываться отъ уроковъ Ивана Карловича стало для насъ истиннымъ удовольствіемъ. Онъ привыкъ къ этому, не бѣсился какъ въ первый разъ, но за то читалъ намъ, часто коверкая русскія слова, пресмѣшныя наставленія о томъ, что мы теряемъ время, что послѣ сами жалѣть будемъ и т. п.; въ свободное время я очень искустно представлялъ его товарищамъ и весь классъ просто помиралъ со смѣху. Иногда мы, впрочемъ, готовили нѣмецкій урокъ, и нужно было видѣть, какъ радовался тогда нашъ Иванъ Карловичъ! Онъ смѣялся, называлъ насъ безпрестанно: gutes Kind, brawes Kind, подхваливалъ тѣхъ, кто вовсе не заслуживалъ похвалы, и щедрою рукою разставлялъ въ журналѣ четверки и пятерки. Такъ прошло мѣсяца полтора.

Разъ, это было, какъ теперь помню, въ субботу, 21 декабря,— насъ въ тотъ же день должны были распустить домой на Рождественскіе праздники, — директоръ зашелъ къ намъ въ классъ во время урока чистописанія. Онъ посмотрѣлъ наши тетради,

нѣкоторыхъ похвалилъ, другимъ сдѣлалъ небольшія замѣчанія, но вообще остался всѣми доволенъ и уходя сказалъ: «У васъ слѣдующій классъ нѣмецкій? Я зайду, послушаю, сдѣлали ли вы въ нѣмецкомъ языкѣ такіе же успѣхи какъ въ писаньи.»

Только что кончилось чистописанье и учитель вышелъ изъ класса, я обратился къ товарищамъ:

— А что, господа, съиграемте-ка штуку съ нашимъ Ванюшкой, давайте не отвѣчать ему при директорѣ!

— Что ты, какъ можно при директорѣ, заговорили воспитанники.

— Директоръ добрый, отвѣчалъ я, да и что же онъ намъ сдѣлаетъ? Мы скажемъ, нѣмецъ не объяснялъ, мы не понимаемъ.

— Это не хорошо, сказалъ Волковъ; директоръ подумаетъ, что Иванъ Карловичъ худо учитъ насъ, а вѣдь это же не правда!

— Ну что за бѣда, если нѣмецъ получитъ лишній выговоръ. Вы только подумайте, какъ смѣшно-то будетъ!

И я сталъ представлять, какъ директоръ строгимъ голосомъ спроситъ у Ивана Карловича, чему же онъ насъ училъ? и какъ Иванъ Карловичъ начнетъ ежиться, вертѣть руками, вытягивать шею, бормотать несвязныя слова. Всѣ хохотали, но все-таки не рѣшались согласиться на мое предложеніе. А я чѣмъ больше думалъ о предстоящей сценѣ, тѣмъ смѣшнѣе и забавнѣе находилъ ее, наконецъ я сказалъ товарищамъ:

— Послушайте, господа, хотите такъ: не отвѣчайте при директорѣ или отвѣчайте гадко, а если за это станутъ бранить или наказывать, я всю вину возьму на себя, скажу, что я васъ подговорилъ. Согласны?

— Ну пожалуй, только смотри же не отступись.

Волковъ и нѣкоторые другіе все еще не рѣшались, но мы начали называть ихъ трусами, говорить, что они идутъ противъ товарищества, и въ концѣ концовъ всѣ согласились.

Въ эту самую минуту дверь отворилась и въ комнату вошелъ Иванъ Карловичъ. Полъ-урока прошло довольно хорошо; мы кое какъ переводили и съ грѣхомъ пополамъ отвѣчали грамматику; онъ, по обыкновенію, подхваливалъ насъ. Вдругъ въ классъ вошелъ директоръ. Я шепнулъ своимъ сосѣдямъ: «не выдавать!» тѣ передали это слово другимъ и вотъ вызванный воспитанникъ,

до сихъ поръ переводившій довольно бойко, вдругъ остановился на фразѣ: «der Vater sagte zu ihm».

— Ну, что-же вы, сказалъ директоръ, переводите, что значитъ der Vater?

Воспитанникъ молчалъ. Директоръ обратился къ его сосѣду:

— Скажите вы!

То же молчаніе.

— Господа, кто знаетъ?

Весь классъ молчалъ.

— Братъ, проговорилъ одинъ изъ моихъ товарищей, очень хорошо знавшій, что значитъ слово Vater.

— Нѣтъ, какъ можно, сказалъ директоръ; Vater значитъ отецъ. Не стыдно ли не знать такихъ простыхъ словъ. Ну, переводите дальше!

Дальше переводъ шелъ такимъ же образомъ: мы или молчали, или говорили совсѣмъ не подходящія слова. Директоръ жмурился, на Ивана Карловича просто нельзя было смотрѣть. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, шевелилъ губами, прискакивалъ на стулѣ, смотрѣлъ куда то въ уголъ, въ сторону отъ директора, немилосердно моргалъ глазами, дрожалъ, такъ что колѣнки его стукались другъ о друга, и не произносилъ ни слова, не предлагалъ намъ самъ ни одного вопроса. Директоръ экзаменовалъ насъ до конца класса; наконецъ, когда раздался звонокъ, онъ сказалъ намъ строгимъ голосомъ:

Дурно, очень дурно, вы, какъ видно, совсѣмъ не занимались нѣмецкимъ языкомъ. Постарайтесь на праздникахъ хоть сколько-нибудь вернуть потерянное время, послѣ праздниковъ я опять спрошу васъ и бѣда тому, кто опять будетъ отвѣчать мнѣ такъ, какъ теперь.

Потомъ, обращаясь къ Ивану Карловичу, онъ любезнымъ тономъ прибавилъ:

— Я попрошу васъ изъ класса зайти ко мнѣ.

Директоръ вышелъ, черезъ нѣсколько секундъ и мы всѣ выбѣжали изъ класса.

Прежде чѣмъ разойтись по домамъ, мы разсказали воспитанникамъ другихъ классовъ о нашей продѣлкѣ и у насъ было не мало хохота. Меня заставили представить лицо директора и Ивана Карловича во время нашего экзамена, и самые серьезные

ученики не могли удержаться отъ смѣха. Домой я шелъ съ двумя другими товарищами и мы всю дорогу толковали объ Иванѣ Карловичѣ, представляли, какъ онъ будетъ дрожать передъ директоромъ, какой походкой онъ пойдетъ домой, какъ дома будетъ бѣгать по свой комнатѣ и, со злости на насъ, разбранитъ свою кухарку за то, что она сварила ему къ обѣду гадкій габеръ-супъ. Мы были увѣрены, что кромѣ габеръ-супу, нашъ нѣмецъ ничего не ѣстъ дома и это ужасно смѣшило насъ. Дома я сейчасъ же разсказалъ всю исторію Ѳедѣ и онъ до того хохоталъ, что гувернантка вошла къ намъ въ комнату и вскричала: «Господи, я думала тутъ цѣлый десятокъ гимназистовъ, чего вы такъ шумите»! За обѣдомъ Ѳедя нѣсколько разъ принимался смѣяться, глядя на меня, такъ что, наконецъ, папенька спросилъ въ чемъ дѣло, отчего мы такіе веселые?

Я разсказалъ опять всю исторію. Но тутъ вышло то, чего я совсѣмъ не ожидалъ. Маменька, всегда такая веселая и такъ любившая посмѣяться, нисколько не расхохоталась при моемъ разсказѣ, а только немножко улыбнулась, у сестры же Маши заблистали на глазахъ слезы и она жалобнымъ голосомъ проговорила: «Бѣдный Иванъ Карловичъ!» Папенька посмотрѣлъ на меня очень строго и собирался что то сказать, но въ это время въ комнату вошла горничная и сказала, что пришелъ какой то мальчикъ, проситъ его скорѣй къ больному, которому очень худо. Папенька былъ докторъ, имѣлъ большую практику и часто больные не давали ему спокойно пообѣдать и напиться съ нами чаю. Маменька иногда очень сердилась на это, но папенька почти никогда не заставлялъ долго ждать присланныхъ за нимъ.

Онъ обыкновенно наскоро доѣдалъ кушанье и немедленно уѣзжалъ изъ дома. Такъ было и на этотъ разъ. Онъ вернулся домой уже часовъ въ 8 вечера. Я сидѣлъ въ гостиной и съ жадностью читалъ одинъ изъ романовъ Майнъ-Рида. Проходя мимо меня, папенька спросилъ: «Ваня, какъ фамилія того учителя, съ которымъ ты съигралъ сегодня такую забавную штуку?»

— Фритцлеръ, отвѣчалъ я, удивляясь съ чего вспомнился папенькѣ именно теперь Иванъ Карловичъ.

За чаемъ я былъ еще больше удивленъ. Маменька спросила у папеньки, останется ли онъ сегодня вечеромъ дома и папенька

отвѣчалъ: «Да, только мнѣ надо съѣздить тутъ недалеко къ одному больному. Ваня, прибавилъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, не хочешь ли прокатиться со мной? погода великолѣпная».

Въ первый разъ въ жизни папенька бралъ меня съ собой, отправляясь къ больнымъ; я не зналъ, что подумать, но, конечно, съ радостью согласился. Ѳедя и дѣвочки стали проситься съ нами, но папенька довольно рѣзкимъ голосомъ замѣтилъ имъ, что не можетъ ѣхать съ цѣлой семьей, чтобы они не приставали съ пустяками. Они прикусили язычки, а я, радуясь тому, что папенька отличилъ меня передъ всѣми, побѣжалъ одѣваться. Черезъ четверть часа мы уже сидѣли въ нашихъ хорошенькихъ маленькихъ саночкахъ и неслись по пушистому, блестящему снѣгу.

Ѣхать намъ пришлось не долго, всего минутъ 10, и мы остановились у воротъ какого то большаго каменнаго дома. Мы вошли въ ворота, прошли грязный, занесенный снѣгомъ дворъ, вышли на какую то крутую полутемную лѣстницу и стали взбираться по ней что-то очень высоко. Я насилу тащился по скользкимъ кривымъ ступенямъ и думалъ, что этой противной лѣстницѣ не будетъ конца, какъ вдругъ папенька остановился у одной двери и осторожно позвонилъ въ колокольчикъ. Намъ отворила маленькая, сгорбленная, заплаканная старушка, въ бѣломъ чепчикѣ съ большими сборками. Она радостно улыбнулась при видѣ папеньки, поставила свѣчу на полъ и стала помогать намъ снимать шубы и вѣшать ихъ на гвоздики, прибитые къ стѣнѣ крошечной передней.

— Это мой сынъ, сказалъ папенька, указывая на меня, пока мы изъ передней входили въ какую то другую комнату, онъ пріѣхалъ со мной прокатиться по хорошей погодѣ. Ну, что? какъ больной?

— Плохъ, батюшка, очень плохъ, такъ и не приходитъ совсѣмъ въ память. Старушка глубоко вздохнула и слезы потекли по ея морщинистымъ щекамъ.

— Позвольте я пройду къ нему.

Старушка взяла свѣчу со стола и они вмѣстѣ съ папашей пошли въ другую комнату. Мнѣ приходилось оставаться въ темнотѣ и потому я счелъ за лучшее слѣдовать за ними. Мы вошли всѣ трое въ узенькую комнату почти безъ мебели. У одной

стѣны ея стояла кровать и на кровати лежалъ... я въ ужасѣ отступилъ къ дверямъ, увидѣвъ его... лежалъ нашъ Иванъ Карловичъ! Теперь уже никто не нашелъ бы его смѣшнымъ! О нѣтъ, онъ былъ страшенъ. Онъ лежалъ, вытянувшись во весь свой огромный ростъ, глаза его были открыты и какъ-то необыкновенно расширены, лицо его было какого то темнаго землянаго цвѣта, онъ сбросилъ съ себя одѣяло, сильно метался на постели и при этомъ не то стоналъ, не то страшно хрипѣлъ. Папенька пощупалъ ему пульсъ, привязалъ къ головѣ его какую то примочку, влилъ въ ротъ его ложку лекарства и при этомъ смотрѣлъ на него такъ серьезно и такъ печально, что какъ будто не надѣялся долго видѣть его въ живыхъ. Не знаю почему, но мнѣ было ужасно страшно. Нѣсколько часовъ тому назадъ я весело смѣялся надъ этимъ человѣкомъ, я съигралъ надъ нимъ штуку, которая, можетъ быть, огорчила его, и вотъ теперь онъ лежитъ передо мной больной, умирающій. Я чувствовалъ, что дрожу всѣмъ тѣломъ.

Между тѣмъ папенька, сдѣлавъ все, что считалъ нужнымъ для больнаго и разсказавъ старушкѣ, какъ употреблять прописанныя имъ лекарства, пошелъ вмѣстѣ съ нею опять въ первую комнату. Я вздохнулъ съ облегченіемъ, выходя отъ больнаго; мнѣ хотѣлось скорѣй изъ этого дома, скорѣй на свѣжій воздухъ. Но не тутъ то было. Возвратившись въ первую комнату, папенька сѣлъ на стулъ и сказалъ старушкѣ: «Давеча я не успѣлъ распросить у васъ въ подробности, отчего это случилось съ вашимъ сыномъ? Вы, кажется, говорили мнѣ, что у него была какая то непріятность?»

— Ахъ, да, батюшка, отвѣчала старушка, большая непріятность, ужь такая, что страшно и подумать! мнѣ даже кажется, не въ бреду ли онъ это мнѣ тогда то сказалъ.

— Да что же такое?

— Да вотъ видите, батюшка, какъ дѣло было. Пошелъ мой Ванюша сегодня на уроки, кажется на видъ здоровый, только скучный какой-то, онъ послѣднее время все какъ-то скучалъ; я, бывало, спрошу: что ты, Ванюша, такой хмурый? А онъ: «ничего, говоритъ, маменька,»—онъ вѣдь мнѣ не сынъ, моя дочка была за нимъ за мужемъ, а онъ меня всегда маменькой называетъ,— «ничего, говоритъ, это я такъ, съ классами еще не привыкъ

справляться, трудно мнѣ; привыкну, лучше будетъ.» Ну, вотъ пошелъ онъ сегодня то; жду его къ тремъ часамъ домой, онъ такой у меня аккуратный, никогда не запоздаетъ; только и четвертый часъ, нѣтъ его, и 4 било—нѣтъ, я ужь безпокоиться начала, только въ пятомъ часу, смотрю, входитъ блѣдный, глазами дико такъ глядитъ. Я къ нему: Ванюша, милый, что съ тобой, гдѣ ты былъ? ты не изъ гимназіи развѣ? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Нѣтъ мнѣ гимназіи, я въ отставку долженъ... директоръ сказалъ... идемте милостыню просить.» Я и себя не вспомнила, какъ услышала эти слова. Тутъ его дочка маленькая, вы давеча видѣли ее, да племянники лѣзутъ къ нему, поцѣловать хотятъ, онъ, всегда такой ласковый, оттолкнулъ ихъ, прошелъ въ свою комнату да такъ совсѣмъ одѣтый и повалился на постель. Я къ нему, и то, и другое, ничего не отвѣчаетъ, бормочетъ что то по нѣмецки, голова горячая, какъ въ огнѣ; я перепугалась да и послала старшаго то внука, Сеню, за докторомъ, онъ васъ и привелъ, благодѣтель вы нашъ!»

— А что вашъ сынъ много трудился, много занимался? спросилъ папенька.

— Ахъ, ужь какъ трудился, батюшка, такъ и сказать нельзя. Вѣдь подумайте только, какая насъ семья то, а работникъ на всѣхъ онъ одинъ! Онъ меня содержитъ, старуху никуда не годную, дочка у него маленькая, одно, можно сказать, утѣшеніе Богъ послалъ ему за его добродѣтель, вы видѣли вчера, славная такая дѣвочка, быстроглазенькая; да призрѣлъ онъ еще у насъ сиротъ, сыновей моей другой дочери; та, голубушка, какъ умирала, поручила ихъ Ивану то Карловичу, просила, чтобы замѣнилъ имъ отца, ну ужь и точно скажу—замѣнилъ! Они ребятенки то еще небольшіе, старшему всего 10-й годъ пошелъ, онъ ихъ самъ и учитъ и играетъ съ ними; я ужь даже иной разъ, правду сказать, даже ворчу, что балуетъ ихъ очень. А онъ мнѣ всегда говоритъ: «Не избалую, говоритъ; дѣтей надо больше любить, лучше будутъ!» Такой ужъ добрѣйшій человѣкъ!

— Давно Иванъ Карловичъ учитъ въ гимназіи? Вы, кажется, говорили, что уроки затрудняли его?

— Да, батюшка, затрудняли. Учитъ то онъ тамъ недавно, всего съ нынѣшней осени, прежде частными уроками пробивался,

да мало ужь очень платили ему, и деньги часто пропадали за учениками. Мы долговъ надѣлали пропасть, да и бѣдствовали сильно; ужь такъ обрадовались какъ казенная выпала ему служба, думали—расплатимся со старыми счетами, да будемъ жить по людски и ему то, голубчику, полегче будетъ. И очень онъ ужь старался, чтобы хорошо его ученіе въ гимназіи то шло! Бывало, сидитъ такой задумчивый, спросишь: о чемъ думаешь, голубчикъ? А онъ говоритъ: «да вотъ все думаю, какъ бы сдѣлать, чтобы мои ученики скорѣе выучились, да чтобы имъ легче да веселѣе было бы учиться; вѣдь они, говоритъ, дѣти еще, намъ надо за нихъ думать и трудиться, а имъ надо веселиться. Бывало ужь я вечеромъ спать лягу, проснусь, а онъ надъ книжками сидитъ, все читаетъ, какъ лучше учить».

— «Вы, кажется, очень любите Ивана Карловича?»

«Батюшка, да какъ же не любить то его, вѣдь это надо быть камнемъ, не человѣкомъ! Онъ, какъ женился на моей Соничкѣ, все наше семейство облагодѣтельствовалъ. Младшихъ двухъ моихъ сыновей обучилъ, въ люди вывелъ, Лизочкѣ приданое справилъ, какъ за мужъ шла, а ужь Соничку то какъ любилъ, Боже ты мой! Она у меня была, по правдѣ сказать, немножко избалована, капризна, да и здоровья то слабаго, такъ ужь какъ онъ ей то угождалъ! Бывало, захочетъ она платьица, шляпочки новенькой, онъ достанетъ какую-нибудь работу, переписку тамъ что ли, или переводъ да и сидитъ цѣлыя ночи на пролетъ, чтобы только ей доставить удовольствіе. Все боялся онъ, что онъ такой, вишь, некрасивый изъ себя-то, а она была хорошенькая, такъ чтобы она его не разлюбила, хотѣлъ угожденіями ея любовь заслуживать. Она при жизни, ужь надо правду сказать, иногда и помыкала имъ, а за то какъ умирать стала, а онъ въ послѣднюю то болѣзнь ея двѣ недѣли не отходилъ отъ ея постели, такъ и спалъ на полу подлѣ ея кровати, какъ собаченка какая, такъ какъ стала она умирать, взяла его руку да говоритъ: «Благодарю тебя за все, за все! Я тебя цѣпить не умѣла, прости меня, тебя Богъ наградитъ за все; лучше тебя нѣтъ на свѣтѣ человѣка». Такъ и скончалась, все его руку цѣловала да благодарила».

Старушка горько заплакала. Я сидѣлъ въ темномъ углу комнаты и съ трудомъ удерживался отъ рыданій. Каждое слово

ея разсказа, какъ ножомъ, кололо меня въ сердце. На глазахъ папеньки также были слезы, онъ взглянулъ на меня и должно быть понялъ, какъ мнѣ тяжело, потому что тотчасъ же всталъ, распростился со старушкой, обѣщалъ ей на другой день рано утромъ опять навѣстить больнаго, взялъ меня за руку и вмѣстѣ со мной вышелъ въ переднюю. Только что мы начали надѣвать шубы, какъ изъ какого то темнаго угла къ намъ подошла дѣвочка лѣтъ 10, босая, полуодѣтая, видимо выскочившая изъ постели, съ заплаканными глазами и встревоженнымъ личикомъ. Она схватила руку папеньки и проговорила прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— Докторъ, голубчикъ, скажите, вѣдь папа не умретъ, вѣдь вы его вылечите, да?

— Постараюсь, постараюсь, милая, отвѣчалъ папенька ласковымъ голосомъ, не плачь, поди теперь спать, я буду всѣми силами стараться вылечить твоего папу!»

Я не могъ далѣе выносить, слезы душили меня, я едва стоялъ на ногахъ. Папенька увидѣлъ это, взялъ меня за руки, молча свелъ съ лѣстницы, молча усадилъ въ сани, привезъ домой и проводилъ до моей комнаты. Ѳедя, къ счастью, уже спалъ, мнѣ не нужно было далѣе сдерживать себя, я бросился на постель и зарыдалъ. Черезъ нѣсколько минутъ кто-то подошелъ ко мнѣ, чья-то рука тихо гладила мои волосы и я услышалъ ласковый голосъ папеньки.

— Бѣдное дитя мое, говорилъ онъ, я понимаю твое страданье, я никакъ не ожидалъ, что урокъ будетъ такъ тяжелъ. Не отчаявайся, вѣрь мнѣ, я употреблю всѣ усилія, чтобы спасти его! Для насъ теперь его жизнь дороже даже, чѣмъ для его семейства. Я завтра рано утромъ поѣду опять къ нему, если нужно, я созову консиліумъ изъ самыхъ лучшихъ докторовъ, все, что можетъ сдѣлать наше знаніе, будетъ сдѣлано, обѣщаю тебѣ.

Слова папеньки нѣсколько успокоили меня, но долго еще не могъ я заснуть, мнѣ все видѣлось исхудалое, страдальческое лицо больнаго, въ ушахъ моихъ все раздавался дребезжащій голосъ старушки, благословлявшей его, и умоляющій голосокъ маленькой дѣвочки, такъ трогательно просившей спасти ея отца.

На другой день я только что всталъ и сейчасъ же побѣ-

жалъ къ папенькѣ. Онъ уже побывалъ у больнаго и ждалъ меня въ своемъ кабинетѣ.

— Ну что, папенька, какъ? спросилъ я, а сердце у меня такъ и билось.

— Да пока все еще плохо, другъ мой. Я не скрою отъ тебя, что почти не имѣю надежды на выздоровленіе. Вотъ съѣзжу сегодня, приглашу другихъ докторовъ, посмотримъ, что они скажутъ!

Боже мой, какъ я страдалъ! У насъ въ домѣ всѣ знали о томъ, что случилось; я видѣлъ, что всѣ смотрятъ на меня съ сожалѣніемъ, всѣ стараются чѣмъ-нибудь развлечь или развеселить меня, но это мнѣ было еще хуже. Я отвѣчалъ на всѣ вопросы, дѣлалъ все, что мнѣ говорили, но все какъ-то машинально, безъ всякой мысли и въ уши мнѣ точно кто то безпрестанно шепталъ: «Изъ за тебя умираетъ человѣкъ! Ты убійца!»

На другой день въ 10 часовъ утра назначенъ былъ консиліумъ докторовъ. Я не спалъ всю ночь и утромъ въ началѣ 11 пошелъ къ дому Ивана Карловича, чтобы скорѣе услышать отъ папеньки, что они скажутъ. Въ 11 часовъ папенька вышелъ изъ воротъ дома, онъ былъ блѣденъ, я еще никогда не видалъ его такимъ печальнымъ и разстроеннымъ. Я подбѣжалъ къ нему, схватилъ его за руку и не могъ выговорить ни слова:

— Они всѣ совершенно согласны съ моимъ взглядомъ на болѣзнь, проговорилъ папенька грустнымъ голосомъ, надежды почти никакой! Онъ взялъ меня за руку и мы молча пошли домой.

За обѣдомъ папенька сказалъ маменькѣ: «Завтра съ утра я приведу къ тебѣ дочь и племянниковъ Ивана Карловича, пусть они встрѣтятъ праздникъ вмѣстѣ съ нашими дѣтьми».

Маменька, конечно, согласилась и на другой день съ утра четверо племянниковъ Ивана Карловича уже шумѣли въ дѣтской съ Ѳедей и сестрами. Дѣвочка съ заплаканными глазками не согласилась отойти отъ постели своего больнаго отца, и какъ я былъ радъ, что ея тутъ нѣтъ! Я чувствовалъ, что не въ состояніи былъ бы еще разъ взглянулъ на ея блѣдное, печальное личико, услышать ея тихій, умоляющій голосокъ! Этотъ день былъ рождественскій сочельникъ. Маменька и гувернантка хлопотали

о приготовленіяхъ къ празднику и объ елкѣ, дѣти играли и болтали о тѣхъ подаркахъ, какіе надѣялись получить вечеромъ, я заперся въ своей комнатѣ и сидѣлъ одинъ. Я не плакалъ больше, но мнѣ было такъ невыразимо тяжело, что нѣсколько разъ приходило въ голову, не лучше-ли умереть?

Да и зачѣмъ мнѣ было жить? Все равно, я ужь никогда, никогда не буду счастливъ въ жизни. Я никогда, ни на минуту не могу забыть, что я убилъ человѣка, что я убійца! Онъ былъ такой добрый, терпѣливый, такъ старался дѣлать дѣтей веселыми и счастливыми, а эти дѣти чѣмъ заплатили ему? Они смѣялись надъ его некрасивою наружностью, они мучили его, они довели его, наконецъ, до могилы! И какъ никогда прежде не приходила мнѣ въ голову мысль, что самый некрасивый человѣкъ все-таки человѣкъ, что онъ и чувствуетъ, и страдаетъ, какъ всѣ люди. О Боже, какой я злодѣй, какой я гадкій, жестокій злодѣй! О если бы только эта бѣда миновала меня, никогда, никогда не сталъ бы я никого мучить, я сдѣлался бы добрымъ, сострадательнымъ ко всѣмъ, такимъ же добрымъ, какъ Иванъ Карловичъ! Мнѣ невольно вспоминались всѣ тѣ злые поступки, какіе я дѣлалъ со времени поступленія въ гимназію, всѣ насмѣшки надъ товарищами, всѣ штуки надъ учителями, и я раскаивался во всемъ, горько раскаивался.

Вечеромъ у насъ зажглась елка. Но елка эта была совсѣмъ не такая веселая, какъ всегда. Папеньки не было дома: онъ съ утра не уходилъ отъ Ивана Карловича; маменька была блѣдна и печальна; мое горе и моя вина сильно трогали ее; сестры также смотрѣли грустно; старшіе племянники Ивана Карловича видимо безпокоились о своемъ дядѣ и безпрестанно спрашивали, не прислалъ ли папенька сказать, что нибудь о немъ. Только двое маленькихъ дѣтей отъ души веселились подареннымъ имъ игрушкамъ, да Ѳедя не могъ удержаться отъ восторга при видѣ назначеннаго ему токарнаго станка и ящика съ красками. Я для всего семейства испортилъ веселый рождественскій праздникъ; можно себѣ представить каково мнѣ было видѣть это! Мнѣ мамаша, вмѣсто всякихъ вещей, подарила 10 р. сер., сказавъ: «Я думала, что игрушки не займутъ тебя теперь, а деньги вѣрно тебѣ пригодятся». Добрая мамаша! она поняла, что мнѣ

пріятно будетъ хоть чѣмъ-нибудь помочь семейству, которое я лишалъ покровителя и кормителя!

Чтобы сколько-нибудь развеселить дѣтей, гувернантка сѣла за фортепіано и заиграла кадриль. Я ушелъ въ дальній уголъ комнаты, а остальные начали танцовать, но видимо неохотно, безъ всякаго удовольствія. Вдругъ раздался звонокъ, въ передней послышались шаги папеньки; я замеръ на мѣстѣ.... Мнѣ хотѣлось бѣжать къ нему на встрѣчу, узнать скорѣй, что больной, но я не могъ пошевелиться, въ глазахъ у меня потемнѣло, сердце перестало биться. Точно въ туманѣ увидѣлъ я папеньку, входившаго въ дверь, и услышалъ его веселый голосъ: «ну, дѣти, радуйтесь, Иванъ Карловичъ спасенъ, теперь онъ будетъ живъ и скоро выздоровѣетъ. Гдѣ Ваня»? Болѣе этого я ничего не слыхалъ; говорятъ, я упалъ въ обморокъ. Когда я очнулся, я лежалъ у себя на постели, маменька плакала, стоя на колѣняхъ подлѣ меня, а папенька чѣмъ-то теръ мнѣ лобъ и виски «Правда ли это, спросилъ я слабымъ голосомъ, онъ спасенъ»?

— Да, правда, дитя мое, отвѣчалъ папенька, онъ спасенъ отъ смерти, а ты—отъ страшныхъ упрековъ совѣсти. Постарайся теперь успокоиться, завтра я тебѣ все разскажу.

Папенька далъ мнѣ выпить какое-то лекарство, маменька ласкала и цѣловала меня, и черезъ нѣсколько минутъ я заснулъ спокойнымъ, радостнымъ сномъ. На другой день папенька разсказалъ мнѣ, что онъ далъ наканунѣ утромъ больному какое то очень сильное лекарство и цѣлый день слѣдилъ за дѣйствіемъ этого лекарства. Къ вечеру больному стало лучше, онъ заснулъ тихимъ, спокойнымъ сномъ и теперь нельзя было болѣе сомнѣваться въ его выздоровленіи. Выздоровленіе это дѣйствительно пошло быстро впередъ, благодаря заботамъ папеньки и нѣжному ухаживанью за больнымъ его маленькой дочки, не отходившей отъ его постели. Черезъ недѣлю Иванъ Карловичъ уже сидѣлъ на постели, а черезъ 3 недѣли могъ даже выходить со двора. Добрый папенька позаботился и о томъ, чтобы изъ за меня Иванъ Карловичъ не лишился работы. Онъ отрекомендовалъ его ко многимъ изъ своихъ знакомыхъ, какъ отличнаго учителя нѣмецкаго языка, и доставилъ ему столько выгодныхъ уроковъ, что ему не пришлось жалѣть о потерянномъ мѣстѣ въ гимназіи. Во время выздоровленія Ивана Карловича папенька разсказалъ ему

о томъ, кто былъ виновенъ, что ему такъ не посчастливилось въ гимназіи и о томъ какъ страшно раскаявался я въ своей шалости. Иванъ Карловичъ отъ души простилъ мнѣ и говорилъ, что радуется своей болѣзни, если она поможетъ мнѣ сдѣлаться такимъ же добрымъ, какъ папенька. Сдѣлался ли я такимъ же, какъ папенька, не знаю, но могу навѣрное сказать, что съ этихъ поръ никогда страданія другаго человѣка не доставляли мнѣ удовольствія, никогда не забывалъ я, что подъ самою смѣшною, безобразною наружностью можетъ скрываться добрая, благородная душа.

ПРІѢЗДЪ НА КАНИКУЛЫ.

ПЬЕСА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Соня — десяти лѣтъ.
Катя — ея сестра, восьми лѣтъ.
Володя и **Митя** — ихъ братья, лѣтъ 14 и 13, гимназисты.
Ѳедя — сынъ управляющаго, лѣтъ 11.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, лѣтомъ, на господской мызѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ классную комнату Сони и Кати. Двери посреднѣ и налѣво. Направо на окнѣ сидитъ Катя, болтая ногами и слегка ударяя ими въ стѣну. Посереди комнаты, у стола съ книгами сидитъ Соня, лицомъ къ зрителямъ, и пишетъ.

Соня *(потягиваясь)*. Ахъ, какая скука!

Катя. Пойдемъ въ садъ....

Соня *(не обращая на нее вниманія)*. Когда же это братья пріѣдутъ! Мнѣ совсѣмъ ничего нейдетъ на умъ. Я знаю, M-lle Chaplin будетъ недовольна; но что же мнѣ дѣлать? Я, по крайней мѣрѣ, хоть сѣла за уроки, а вонъ Катя—совсѣмъ бросила. И я тоже брошу! Вѣдь, право, одинъ разъ можно не знать урока. *(Встаетъ, приводитъ въ порядокъ свои вещи и выходитъ на авансцену. Катя поетъ въ полголоса, потомъ громче:* «Il y avait une bergère»).

Соня. Что же я теперь стану дѣлать? *(ходитъ взадъ и впередъ).*

Катя *(соскакивая съ окна).* Пойдемъ въ садъ малину ѣсть. *(Проходитъ мимо Сони къ столу, на которомъ начинаетъ чертить карандашемъ, вставъ колѣнками на стулъ).*

Соня *(посмотрѣвъ на часы).* Только два часа! Ахъ, зачѣмъ завтра не Воскресенье! Я ни одного урока не буду знать.

Катя. Ну, такъ что же? Ты думаешь, M-lle Chaplin всегда знала свои уроки? Она и теперь не все знаетъ.

Соня *(серьезно).* Перестань, Катя; не тебѣ судить о старшихъ. Я-бъ хотѣла знать, придутъ ли Даша и Таня.

Катя. Онѣ давно пришли, я видѣла, какъ онѣ проходили черезъ садъ въ кухню.

Соня *(въ сторону).* Пойти къ нимъ? Нѣтъ, я лучше попробую стихи учить; можетъ быть, удастся. *(Идетъ къ шкафу съ книгами).*

Катя *(бросая карандашъ и вскакивая со стула).* Постой, что за пустяки! Послушай, что я выдумала! Пойдемъ, я тебѣ скажу! *(тащитъ Соню за собой).*

Соня *(отдѣлываясь отъ нея).* Опять какую нибудь глупость; нѣтъ, я буду учиться.

Катя *(смѣясь).* Да вѣдь ты все-таки ничему не научишься!

Соня. Оставь же *(отворивъ шкафъ, начинаетъ рыться въ книгахъ).*

Катя *(отворачиваясь).* Ну, какая ты, никогда не сдѣлаешь по моему.

Соня. А ты—по моему *(тоже отворачивается, съ книгою въ рукахъ).*

Катя *(идетъ къ двери).* Ну, хорошо же, такъ я одна.... нѣтъ, одной нельзя *(останавливается).*

Соня *(быстро оборачиваясь).* Что такое?

Катя. А вотъ не скажу! Зачѣмъ не хотѣла *(идетъ къ двери).*

Соня *(поспѣшно убираетъ книгу въ шкафъ).* Нѣтъ, нѣтъ, Катя, ну, скажи! Зачѣмъ ты разсердилась? Видишь, я оставила книгу. Ахъ, ушла! Ничего, я упрошу. *(Бѣжитъ за нею вслѣдъ. Шкафъ остается незапертымъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Ѳедя входитъ изъ двери налѣво съ двумя букетами въ рукахъ.

Ѳедя. Гдѣ же барышни? Я ихъ вездѣ ищу *(оглядываясь).*

Куда мнѣ эти букеты поставить.... безъ нихъ не знаю. Туда что-ли или сюда? Нѣтъ, лучше подожду *(ходитъ взадъ и впередъ по авансценѣ, нюхаетъ одинъ изъ букетовъ и останавливается)*. Ахъ, какъ пахнетъ! Вотъ какъ господъ встрѣчаютъ: кушанья, букеты, фейерверки готовятъ. Хотѣлъ бы я быть бариномъ. Ну, право, что бы мнѣ родиться вмѣсто Володи или Мити? Вотъ славно бы было! Тогда бы меня звали Владиміръ Ивановичъ или тамъ Дмитрій Ивановичъ, а я бы кричалъ имъ: «эй, Ѳедя (или тамъ Саша) подай мою лошадь!» И барышни бы у меня были сестрицы, а не тѣ глупыя Даша да Таня, что на десятомъ году и толковаго слова сказать не умѣютъ. *(Пауза. Ѳедя смотритъ на букеты)*. Боюсь, что завянутъ въ рукахъ. Дай-ка положу къ сторонкѣ *(относитъ букеты на окно)*. Кажись, ѣдутъ? *(высовывается)*. И подлинно это они! Ну, узнаю, быть ли мнѣ въ школѣ или нѣтъ? *(Бѣжитъ въ дверь на лѣво)*.

(Сцена остается пуста нѣсколько минутъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Володя, Митя и **Ѳедя**.

Митя шумно вбѣгаетъ, за нимъ Володя и Ѳедя.

Митя. Ур-ра! Вотъ мы и дома! Теперь скорѣй красную рубашку и въ поле *(бѣжитъ къ двери)*.

Володя *(останавливая его)*. Постой, пойдемъ сперва къ сестрамъ.

Митя. Ахъ да, правда, лучше къ нимъ *(направляется къ другой двери)*.

Ѳедя *(поспѣшно)*. Онѣ уѣхали съ господами.

Володя. Вотъ удивительно! Когда же ихъ звали?

Ѳедя. Еще на той недѣлѣ и никакъ нельзя было отказать.

Митя. Вѣдь мы писали!?

Ѳедя. Письмо ваше дошло только вчера.

Митя *(къ Володѣ)*. Такъ что же? Поѣдемъ къ нимъ?

Володя. Какъ можно, что же мы надѣнемъ? Посмотри на что ты похожъ; а я то: и сапоги, и платье—все въ пыли и мы одѣты по дорожному, а вещи наши, ты самъ знаешь, пріѣдутъ только завтра.

Митя. Да мы можемъ ѣхать такъ. Что за бѣда!

Володя *(насмѣшливо)*. Да, хороши мы будемъ. *(Садится и начинаетъ разбирать книги на столѣ)*.

Митя *(нетерпѣливо)*. Такъ чтожъ это, никого нѣтъ. Пойдемъ хоть въ деревню къ Дашѣ и Танѣ.

Ѳедя. Стоитъ вамъ ходить такую даль! Онѣ сами придутъ, а не то замѣшкаемся и господа безъ насъ пріѣдутъ. Они обѣщали скоро воротиться.

Митя. Ну, хорошо. Я буду ждать *(садится)*.

Ѳедя. А я пойду въ садъ. Надо гряды полоть.

Володя. Ну, иди, только приходи потомъ опять. Мы тебѣ что-то привезли.

Ѳедя *(въ дверяхъ)*. А что?

Володя *(встаетъ)*. Потомъ узнаешь.

Ѳедя. Ну, такъ и быть *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Володя и **Митя.**

Володя *(проходя мимо шкафа, толкаетъ дверцу ногой)*. Сестры наши такія-же неряхи, какъ и прежде были.

Митя *(вставая)*. Пойти запереть шкафъ и книги поставить на мѣсто.

Володя. Ты ни минуты не можешь посидѣть смирно.

Митя *(у шкафа)*. Довольно я насидѣлся сейчасъ.

Володя. Бѣгая изъ угла въ уголъ?

Митя. Хотя бы и такъ, а сидѣнья не люблю. Теперь всѣ уроки въ трубу и буду только верхомъ ѣздить да на лодкѣ кататься *(встаетъ, убравъ книги, и закрываетъ шкафъ)*.

Володя *(пересѣвъ на край стола)*. Черезъ озеро къ твоей Лизѣ?

Митя. Она столько же твоя, сколько и моя.

Володя *(насмѣшливо)*. Потому что я твой братъ?

Митя *(сердясь)*. Потому что ты все выдумываешь.

Володя. Это хорошее доказательство. Въ родѣ Кати и Сони, когда онѣ сердятся.

Митя. Т. е. сердились, хотѣлъ ты сказать. Теперь онѣ годомъ старше.

Володя. Я зналъ, что ты меня поправишь, ты самъ такой исправный.

Митя *(отворачиваясь)*. Въ томъ, что касается моихъ обязанностей, исправнѣе тебя.

Володя *(дѣлаетъ ему за спиной насмѣшливую гримасу)*. О-го-го! Однако я умѣю тебя сердить.

Митя *(отходя къ окну)*. А я такъ не умѣю тебя отъ этого отучить!

Володя *(ему вслѣдъ)*. Это правда.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и **Ѳедя**, быстро вбѣгая.

(Митя ходитъ недовольный по комнатѣ.)

Володя *(къ Ѳедѣ)*. Что тебѣ нужно?

Ѳедя *(съ улыбкой)*. Сестры мои пришли.

Володя *(вставая)*. А! очень пріятно. Ну, Митя, *(хочетъ обнять его)* хочешь посмотрѣть этихъ дамъ? *(Митя отворачивается)* Не хочешь? Ну, сердись себѣ на здоровье, у всякаго свой вкусъ. *(Ѳедя уходитъ за дверь и тотчасъ же возвращается съ двумя крестьянскими дѣвочками. Митя отходитъ къ окну и упорно глядитъ въ даль)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Володя, **Митя**, **крестьянскія дѣвочки** съ тарелкой ягодъ и **Ѳедя**, который, войдя, становится у дверей.

Володя. Здравствуй, Даша; здравствуй, Таня; ну, какъ вы поживаете? Какія вы стали большія!

(Дѣвочки молча кланяются).

Володя. Все такія же застѣнчивыя, какъ и прежде? Дай-ка я посмотрю, какъ вы перемѣнились *(кладетъ одной изъ нихъ руку на плечо. Она отворачивается, закрываясь рукавомъ. Другая, подходя къ нему, подноситъ ягоды)*.

2-ая дѣвочка. Вотъ, баринъ, вамъ ягодки *(кланяется)*.

Володя. А, та посмѣлѣй. Ну, давай ихъ сюда *(беретъ у нея тарелку)*.

Володя *(къ Митѣ, поставивъ ягоды на столъ)*. Надо бы имъ что-нибудь дать, да вотъ, жаль, сестеръ нѣтъ *(дѣвочки смѣются и жмутся другъ къ дружкѣ)*.

Володя *(къ дѣвочкамъ)*. А, плутовки, что вы смѣетесь?

Ѳедя *(тоже смѣясь)*. Да онѣ всему смѣются.

Володя. Ну, что-жь вы молчите?

2-я дѣвочка *(робко)* Да-съ.

Володя. Что да-съ? Какія смѣшныя! Митя, дадимъ имъ ожерелья, которыя мы привезли *(подходитъ къ Митѣ и, шепнувъ ему что-то, уводитъ съ собой)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же кромѣ **Володи** и **Мити**.

Дѣвочки быстро снимаютъ платки и, посмотрѣвъ другъ на друга, заливаются смѣхомъ.

2-ая. Хорошо, Соня? *(смѣется)*.

1-ая. Да лучше этого ничего нельзя придумать *(тоже смѣется)*.

Ѳедя. *(подходя къ нимъ)*. Они васъ не узнали, а право я не думалъ, что такъ удастся.

Катя. А вѣдь это все я выдумала.

Соня. Скажи, Ѳедя, неужели мы такъ похожи на Дашу и Таню?

Ѳедя. Да, особенно Катерина Ивановна умѣютъ ихъ отлично передразнивать.

Соня. А я?

Ѳедя. Вы тоже, барышня, особенно когда платокъ надвинутъ на самый носъ, такъ васъ пожалуй и за меня примутъ *(смѣется)*.

Соня *(недовольная)*. Ну, сказалъ тоже!

Катя. Теперь довольно. Въ платкахъ жарко. Да они еще чего добраго насъ узнаютъ, такъ лучше самимъ кончить.

Соня. Это правда. Дай, я тебѣ поправлю волосы. *(Обѣ поправляются, Ѳедя прислушивается)*.

Ѳедя. Идутъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, Володя и **Митя**.

Соня и Катя *(бѣгутъ на встрѣчу къ братьямъ)*. Володя, Митя, здравствуйте!

Володя и Митя *(цѣлуя сестеръ)*. Ахъ, Господи, что это? Да какъ вы одѣты! Такъ это вы?

Катя *(къ Митѣ)*. А вы насъ такъ и приняли за Дашу и Таню?

Соня. Я вижу, что гимназисты очень недогадливы.

Митя. Мы ни тѣхъ, ни другихъ не могли узнать въ этихъ кутафьяхъ. Я вижу только, что стоятъ тамъ какія-то чучелки *(Катя и Соня смѣются)*.

Катя. Чучелки поумнѣе человѣчковъ!

Володя. А я еще сказалъ Митѣ: «Никакъ не могу узнать ихъ, онѣ мнѣ кажутся совсѣмъ другими». Да это неудивительно, когда вмѣсто того же самаго человѣка, видишь другаго *(смѣется)*.

Соня. А вы хоть и не переодѣты, а такъ перемѣнились, что кажетесь мнѣ совсѣмъ чужими. Я даже готова спросить у васъ, что дѣлаютъ Володя и Митя.

Митя. Это мундиръ, Соня, мундиръ все дѣлаетъ.

(Катя собираетъ волосы и начинаетъ плести косу).

Митя *(къ Катѣ)*. Ты все такая же шалунья, я вижу.

Катя *(оглядывая его)*. А ты больше не такой? Это мнѣ жаль.

Митя. Ну, такъ я, значитъ, очень измѣнился со вчерашняго дня.

Володя. Что онъ тебѣ говоритъ! Не вѣрь ему.

Катя. Я не знаю, кому мнѣ больше вѣрить, ему или моимъ глазамъ.

Митя. Я скоро выведу тебя изъ затрудненія.

Володя. Это Ѳедя насъ надулъ, а мы такъ и повѣрили, что вы уѣхали.

Соня. Все это придумала Катя и его подговорила.

Володя. «Под-го-во-ри-ла». Это изъ прошлогодняго лексикона?

(Соня, сконфуженная, не находится).

Володя. Я только такъ пошутилъ *(цѣлуетъ ее)*.

Катя. Дайте же намъ бусы, которыя вы обѣщали.

Митя. Вотъ онѣ. Видишь какія красивыя.

(Соня и Катя берутъ бусы и надѣваютъ ихъ).

Соня. Мы такъ останемся.

Катя. Конечно, и покажемся мамашѣ и разскажемъ, какъ мы ихъ приняли.

Володя. Смотрите, осторожно! Не растеряйте бусы.

Катя. Ужь я не растеряю Дашиныхъ бусъ.

Соня. Ни я Таниныхъ.

Володя *(оглядываясь)*. А гдѣ же Ѳедя? Поди-ка сюда, мы тебѣ тоже что-то привезли.

Ѳедя. Знаю. Вы ужь мнѣ сказывали. Ну-ка, давайте.

Митя. Мы не дадимъ, а скажемъ.

Ѳедя. И то спасибо.

Володя. Такъ знай же: ты съ нами поѣдешь осенью въ школу.

Ѳедя. Ахъ, я былъ увѣренъ, что вы это для меня сдѣласте. Не даромъ же я учился всю зиму *(хочетъ поцѣловать имъ руки. Митя его обнимаетъ. Володя отымаетъ руку)*.

Митя. Теперь ты будешь вмѣстѣ со мной въ гимназіи. Я тебя никому въ обиду не дамъ.

Ѳедя *(поводя плечами, глядя на обоихъ)*. Я самъ на счетъ обиды твердъ; пожалуй, и васъ еще отстою *(мальчики смѣются)*.

Соня и Катя. Тише! Кажется, ѣдутъ *(слышенъ шумъ приближающагося экипажа)*. Бѣжимте скорѣй встрѣчать! *(Всѣ бѣгутъ въ садъ)*.

(Занавѣсъ опускается).

КОНЕЦЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

на островъ Борнео.

Былъ у меня старшій братъ, морякъ. По цѣлымъ годамъ проводилъ онъ въ путешествіяхъ, но за то какъ любопытны были разсказы его, когда бывало года черезъ 2, 3, вернется онъ домой. Особенно памятенъ мнѣ одинъ разсказъ его объ островѣ Борнео, и я увѣренъ, что если читатели мои не полѣнятся прочитать еще странички 2, то раскаяваться въ этомъ они не будутъ.

Сначала мнѣ кажется необходимымъ напомнить гдѣ именно находится этотъ островъ Борнео. Онъ—въ Великомъ океанѣ, подъ экваторомъ, на югѣ отъ Азіи; это большой островъ въ 40,000 квадр. миль, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда былъ тамъ мой братъ, онъ далеко еще не былъ весь извѣстенъ. Онъ имѣлъ тогда 3 милліонное населеніе, изъ котораго надо считать 200,000 китайцевъ, и его гористая мѣстность способствовала къ поддержанію въ немъ множества маленькихъ, независимыхъ государствъ, вѣчно враждующихъ между собою, и изъ которыхъ каждое считаетъ себя особымъ племенемъ и каждое носитъ особое названіе.

Вообще всѣхъ природныхъ жителей Борнео называютъ Дайяками.

Кое гдѣ у моря, захватили власть Голланцы и Англичане и послѣднимъ подчинилась очень большая провинція Саравакъ съ главнымъ городомъ Кухингъ. Остальное же населеніе страны свободно отъ европейскаго ига. Прибрежные жители Малайцы

и нижніе Дайяки несравненно болѣе цивилизованы, чѣмъ Дайяки, жители горъ и внутреннихъ странъ. Вообще горные жители острова отличаются своею дикостью, свирѣпостью и кровожадностью.

Честолюбіе каждаго изъ нихъ заключается въ возможно большемъ числѣ отрѣзанныхъ имъ человѣческихъ головъ, которыя всѣ хранятся ими какъ трофеи. У нѣкоторыхъ племенъ принято держать ихъ у себя дома, а у другихъ для того устроены въ городахъ, или скорѣе селеніяхъ ихъ, домà, куда всякій сноситъ свои пріобрѣтенныя головы и куда каждый вечеръ собираются мужчины, какъ въ кофейни, курить, обсуждать дѣла дня и хвастаться своими подвигами. Набирать коллекціи человѣческихъ головъ у этого народа доходитъ до страсти. Въ мѣстахъ, подчиненныхъ европейцамъ, гдѣ подобныя охоты за головами строго запрещены, они не смѣютъ преступить закона, но за то частенько уходятъ въ горы «для развлеченія», какъ говорятъ они, и всѣ уже понимаютъ что это за развлеченіе. Тамъ, гдѣ они свободны, гдѣ подобныя развлеченія не запрещены имъ, они придираются ко всякому случаю, чтобы пойти поохотиться. Такъ напр. послѣ какой нибудь семейной ссоры, послѣ вспышки гнѣва, послѣ смерти или рожденія въ семействѣ, послѣ всякаго горя или всякой радости, они идутъ праздновать ее или утолять его въ лѣса, гдѣ часто безъ пищи по цѣлымъ недѣлямъ подстерегаютъ какихъ нибудь неосторожныхъ Китайцевъ или Малайцевъ, или своего же брата врага, нападаютъ на него изподтишка, отрѣзываютъ голову, и чѣмъ больше Даякъ принесетъ головъ въ свое селеніе, тѣмъ ему болѣе чести и почестей, тѣмъ болѣе считаютъ его храбрецомъ, съ тріумфомъ празднуютъ его возвращеніе, и женщина, которую послѣ того онъ выберетъ себѣ въ жены, считаетъ себя счастливѣйшею.

Послѣ этого, какъ мнѣ казалось—необходимаго предисловія, обратимся къ разсказу моего брата, который я тогда же тщательно записала чуть ли не слово въ слово.

Мой братъ въ Петербургѣ еще познакомился съ однимъ англичаниномъ изъ посольства, сэромъ В, который впослѣдствіи былъ назначенъ губернаторомъ въ англійскую провинцію Саравакъ, на Борнео.

Лѣтъ 15 тому назадъ, мой братъ, находившійся въ эскадрѣ адмирала NN, идущаго на Амуръ, остановился дней на 9 на Борнео для какихъ-то починокъ, возобновилъ тамъ знакомство съ сэромъ В и вмѣстѣ съ нимъ сдѣлалъ чрезвычайно любопытную поѣздку во внутрь страны, вотъ по какимъ причинамъ: 1) воинственное племя Баллаусовъ поссорилось съ нижними Дайяками, находившимися подъ покровительствомъ англичанъ, и сэръ В. поѣхалъ отъ нихъ посредникомъ для примиренія къ правительственнымъ лицамъ Баллаусовъ; а 2-я причина состояла въ томъ, что одинъ дикій изъ лѣсовъ горныхъ Дайяковъ (Кайяновъ), укралъ изъ одного англійскаго семейства ребенка лѣтъ 5, дочь, и сэръ В. хотѣлъ проѣхать въ ту страну, чтобы обѣщаніемъ большой награды возбудить поиски по лѣсамъ и найдти дѣвочку, живую или мертвую. Когда сэръ В. предложилъ моему брату сопутствовать ему, тотъ, разумѣется, согласился съ восторгомъ, испросивъ сперва позволеніе своего начальства.

Прежде всего, говоритъ братъ мой, мы должны были совершить актъ примиренія съ Баллаусами, но для этого намъ не надо было далеко идти, такъ какъ всѣ вожди Баллаусовъ, съ своими семействами, въ знакъ дружескихъ намѣреній, съ 500 воиновъ и чуть ли не со всѣмъ населеніемъ мужскимъ и женскимъ своего племени, расположились въ ожиданіи насъ лагеремъ за 2 мили отъ границы нашей провинціи на нейтральной землѣ. Сэръ В. съ своей стороны набралъ себѣ многочисленную свиту, взялъ 1000 человѣкъ Малайцевъ и нижнихъ Дайяковъ и мы двинулись въ походъ.

Тутъ-то впервые познакомился я съ горными жителями Борнео. Они въ сто разъ храбрѣе, живѣе, смышленнѣе и общительнѣе нижнихъ Дайяковъ.

Маленькаго роста, прекрасно сложенные, крѣпкіе, ловкіе, они имѣютъ гордый, свободный и какой-то побѣдоносный видъ. Весь костюмъ ихъ состоитъ только изъ куска матеріи, обернутой вокругъ тальи и между ногъ, образуя родъ первобытныхъ панталонъ. Женщины чрезвычайно красивы; цвѣтъ лица ихъ скорѣе желтый, чѣмъ смуглый, и у всѣхъ задумчивые, глубокіе глаза. Одежда ихъ состоитъ изъ юбки мѣстнаго тканья, которая у тальи придерживается поясомъ изъ древесной коры. Мужчины и женщины одинаково увѣшены всякими побрякушками изъ метал-

ловъ и горнаго хрусталя; но что всѣхъ ихъ чрезвычайно портитъ, что уши ихъ, кругомъ сверху до низу увѣшенныя серьгами, оттягиваются иногда подъ тяжестью ихъ до самыхъ плечъ.

Какъ только вошли мы въ ихъ лагерь, сэра В. съ его свитою тотчасъ же провели въ нарочно для того выстроенную крытую галлерею и мы всѣ усѣлись тамъ на полу, на циновкахъ, вмѣстѣ съ главными вождями Баллаусовъ. Послѣ долгихъ рѣчей, черезъ переводчиковъ съ обѣихъ сторонъ, приступили къ примирительному обряду, который заключался въ томъ, что отъ каждой изъ воюющихъ сторонъ приносилось по свиньѣ и выбиралось по человѣку, которые въ присутствіи всѣхъ должны были перерѣзать пополамъ животное, и народная гордость каждой стороны требовала чтобы превзойти другую въ ловкости совершенія этого акта. У Баллаусовъ на этотъ разъ это вышло очень неудачно, такъ какъ мечъ застрялъ въ половинѣ тѣла свиньи; а у нижнихъ Дайяковъ, напротивъ, громадный, ловкій Малаецъ, вооруженный прекраснымъ мечомъ, не только въ одно мгновеніе перерѣзалъ туловище животнаго, но и еще клинокъ его далеко ушелъ въ землю.

Громкіе крики привѣтствовали его ловкость, и затѣмъ началось пиршество. Но, Боже, что это было за пиршество! Странные гастрономы эти г-да Дайяки: на ихъ вкусъ все кажется слишкомъ свѣжимъ—и яйца, и рыбы, и плоды даже. Всему этому даютъ прежде сгнить, а потомъ уже ѣдятъ съ наслажденіемъ. Мнѣ и до сихъ поръ кажется, что они лишены органа обонянія. Птицы у нихъ жарятся съ перьями и внутренностями, цѣликомъ, и мы должны были потомъ раздирать ихъ руками. Напитокъ ихъ былъ бы сносенъ, такъ какъ онъ очень напоминаетъ кислое молоко, но они кладутъ туда такое количество перцу и другихъ пряностей, что нѣтъ возможности сдѣлать глотка. Единственное, что выручаетъ на ихъ обѣдахъ, это рисъ, приготовляемый весьма чисто, и свѣжее свиное мясо, до котораго они большіе охотники. Безъ этого вкуса къ корапомъ запрещенному животному, они были бы, по вѣроисповѣданію, совершенными магометанами.

Только что кончился обѣдъ и мы съ наслажденіемъ думали о возвращеніи восвояси, какъ вдругъ явилась къ намъ цѣлая

куча женщинъ, обступили насъ со всѣхъ сторонъ, держа въ рукахъ блюда съ рисомъ, и какъ бы вы думали, чего онѣ непремѣнно, во что бы то ни стало требовали отъ насъ?... трудно даже и разсказать въ чемъ дѣло: онѣ хотѣли, чтобы мы какъ можно болѣе набирали въ ротъ этого рису и потомъ выплевывали бы его снова на блюдо, или бы просто плевали на него! И ѣсть такимъ образомъ приготовленное блюдо, казалось имъ верхомъ наслажденія. Потомъ уже объяснили намъ, что дикіе Дайяки приписываютъ слюнѣ бѣлыхъ какія-то особенно благодѣтельныя свойства.

Наконецъ вечеромъ мы выбрались отъ нихъ и на другой день утромъ, на маленькомъ пароходѣ «Плутонъ» должны были войти въ рѣку Барамъ и дойти по ней по города Лагузина, резиденціи Ташавана, начальника Каяновъ, которому заранѣе дано было знать о цѣли нашего къ нему путешествія и который ждалъ насъ тамъ.

Впервые пароходъ нашъ разсѣкъ волны рѣки Барамъ, впервые, въ лицѣ насъ, Европейцы такъ далеко входили въ землю дикихъ Дайяковъ.

При видѣ этого морскаго чудовища, изрыгающаго дымъ и искры, всѣ прибрежныя населенія сбѣгались смотрѣть на насъ къ самымъ берегамъ, а когда намъ случалось встрѣчать по рѣкѣ лодки съ гребцами, то всѣ они непремѣнно покидали свои жалкія изъ древесной коры суденышки, бросались всѣ до послѣдняго въ воду, выплывали на берегъ и тогда только ужасъ, написанный на ихъ лицахъ, исчезалъ и они считали себя въ безопасности.

Такимъ образомъ дошли мы къ 3 часамъ пополудни до Лагузина и на берегу встрѣтилъ насъ Ташаванъ со свитою.

Это былъ громадный, красивый и ловкій Даякъ съ замѣчательно умнымъ выраженіемъ лица. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ гостяхъ въ Голландскихъ и Англійскихъ колоніяхъ и потому считалъ себя человѣкомъ вполнѣ цивилизованнымъ и пригласилъ насъ прямо къ себѣ въ домъ, гдѣ ожидала насъ со всевозможными яствами супруга его Си-Обонгъ.

Для 50 матросовъ нашего парохода были приготовлены угощенія подъ крытыми галлереями, устроенными на землѣ вокругъ дома Ташавана; сэръ же В., трое его спутниковъ Англичанъ и

я—насъ пригласили въ самый домъ. Описать его необходимо: представьте себѣ настоящую, большую, широкую клѣтку изъ вѣтвей, съ двумя другъ противъ друга устроенными отверстіями вмѣсто дверей и оконъ и стоящую очень высоко отъ земли, на большихъ деревянныхъ подпорахъ—это былъ домъ Ташавана. Въ него вела прямая лѣстница со ступенями, вырѣзанными въ стволѣ близъстоящаго дерева, о которое однимъ бокомъ упирался домъ. Кое какъ вскарабкались мы туда, не безъ помощи Ташавана и сопровождавшихъ его дикихъ, и вступили наконецъ въ воздушный домъ нашего хозяина.

На три шага отъ порога стояла Си-Обонгъ, а за нею 6 или 7 молоденькихъ прислужницъ съ бутылями и стаканами, чтобы подчивать насъ всякій разъ, какъ она на кого указывала. Хотѣлось бы мнѣ отплатить ее гостепріимный пріемъ похвалами ея красотѣ, но увы! это невозможно и мнѣ приходится сознаться, что ничего не было въ ней интереснаго. Она была чрезвычайно толста. Вся одежда ея состояла изъ 2-хъ батистовыхъ неразрѣзанныхъ платковъ, повѣшанныхъ ниже тальи, и изъ маленькаго суконнаго платочка на шеѣ; вся она какъ то отвратительно расплылась отъ жиру, еле передвигала ногами, все тѣло ее было вымазано какой-то вонючей мастикой отъ мошекъ и москитовъ, и никогда, кажется, не чесанные волосы ея придерживались простою сѣткою изъ древесной коры. Словомъ, ничто изъ ея костюма не обозначало въ ней жену начальника Каяновъ, исключая 4-хъ рядовъ бусъ, окружавшихъ ея толстую талью: 1-й рядъ былъ желтый, 2-й и 3-й пестрые, а 4-й, самый драгоцѣнный, состоялъ изъ нѣсколькихъ сотенъ черныхъ шариковъ, которые для Борнейскихъ принцессъ имѣютъ тоже значеніе, какъ самые лучшіе брилліанты для нашихъ дамъ. Си-Обонгъ увѣряла меня, что мужъ ея заплатилъ за этотъ поясъ 800 франковъ—сумма громадная для дикаря.

Ташаванъ тотчасъ же согласился помогать намъ въ отысканіи ребенка, и день еще не кончился, какъ всѣ подданные Ташавана изъ селенія, гдѣ онъ жилъ, готовы были выступить въ лѣса и поля, перевернуть верхъ дномъ всѣ города и деревни и отыскать ребенка во что бы то ни стало.

Разумѣется, за эти розыски съ Англичанъ потребовалась не малая сумма денегъ.

Ночью выступили мы въ лѣсъ и тысячи факеловъ разсѣялись по всѣмъ направленіямъ. Два селенія всполошили мы въ эту ночь, пересмотрѣли каждый сарай, каждую клѣтку—ребенокъ не находился. Страшное впечатлѣніе производятъ на насъ, Европейцевъ, эти тропическіе лѣса. Подъ этими громадными деревьями, которыя, казалось, должны были бы дышать жизнью, не услышишь ни звука, ни движенія. Не видно ни обезьянъ, ни ягуаровъ; птицъ даже рѣдко встрѣтишь. Такъ иногда, кое гдѣ, услышишь какой нибудь протяжный, одинокій звукъ, который въ общей тишинѣ невольно заставляетъ васъ вздрогнуть. Но это не потому, что въ лѣсахъ этихъ мало животныхъ, напротивъ, ихъ очень много, только они разсѣяны на чрезвычайно большомъ пространствѣ и къ тому же очень боятся приближенія человѣка.

Впродолженіи дня мы были еще въ 3-хъ деревняхъ и на этотъ разъ не совсѣмъ безуспѣшно, такъ какъ намъ сказали, что дѣйствительно видѣли бѣлаго ребенка у одного молодаго Каяпа, по имени Па-Муо, живущаго въ такомъ-то селѣ. Мы надѣялись достичь этого селенія ранѣе ночи и потому спѣшили итти все далѣе и далѣе. Между тѣмъ настали и сумерки, вслѣдъ за тѣмъ и ночь, а о приближеніи къ деревнѣ Па-Муо и рѣчи не было. Начался дождь, факелы наши потухли и проводники наши кажется вовсе не были увѣрены въ выбираемой ими дорогѣ; всѣ мы были въ самомъ дурномъ расположеніи духа, даже не безъ примѣси нѣкотораго безпокойства, когда вдругъ какое то страшное рычаніе, за которымъ послѣдовали сперва нѣсколько пронзительныхъ криковъ, а потомъ еще болѣе страшное молчаніе, остановило насъ на мѣстѣ.

Тохъ (духъ)! вскричали наши проводники.

Колежъ (тигръ)! отвѣчали Малайцы.

И никто не двигался. Сэръ В., я, нѣсколько нашихъ матросовъ съ заряженными револьверами двинулись впередъ. Тотчасъ же къ намъ присоединился Ташаванъ съ нѣкоторыми изъ своихъ прошли мы нѣсколько шаговъ, успѣли кое какъ зажечь факелъ. и что за зрѣлище представилось намъ! какъ какая нибудь гіена на своей разорванной жертвѣ, сидѣлъ весь скорчившись надъ обезглавленнымъ трупомъ Даякъ и когда онъ поднялъ на насъ глаза, въ нихъ выражалась такая свирѣпость, что никто изъ насъ не рѣшился двинуться къ нему. Онъ поднялся, держа за

длинныя пряди полусѣдыхъ волосъ женскую голову, лице которой при свѣтѣ мерцающаго факела представилось намъ настоящей головой Медузы, съ своимъ разинутымъ ртомъ и съ передернутымъ отъ ужаса выраженіемъ лица. Дайяки всѣ переполошились, увидя эту голову, и начали перешептываться между собою; въ это время, одинъ изъ нашихъ матросовъ выстрѣлилъ въ убійцу, но тотъ отскочилъ въ сторону и скрылся.

Оказалось, что этого Дайяка всѣ знали. Это былъ начальникъ племени Сеноховъ, по имени Кум-Ліа. Нѣсколько дней тому назадъ его маленькая дочь, купаясь была унесена крокодиломъ и вотъ онъ отправился съ горя за человѣческой головой въ лѣсъ. Сегодня же онъ въ темнотѣ печаянно убилъ свою мать и теперь, 20 человѣческихъ головъ не искупятъ этого грѣха.

Всѣ сопровождавшіе насъ Дайяки съ ужасомъ посматривали другъ на друга и казалось каждый давалъ себѣ слово не ходить болѣе въ лѣсъ, до окончанія искупленія грѣха Кум-Ліа.

Такимъ образомъ провели мы 6 дней въ напрасныхъ поискахъ за дѣвочкой, а на 7-й я покинулъ моихъ товарищей, чтобы возвратиться къ свому судну, которое скоро должно было выступить. Ташаванъ далъ мнѣ проводниковъ и на 2-й день я благополучно достигъ Саравака безъ малѣйшихъ приключеній, а еще черезъ день мы оставили Борнео. Я просилъ сэра В. написать мнѣ объ окончаніи начатаго нами розыска дѣвочки и дѣйствительно мѣсяца черезъ 2 или 3 получилъ отъ него письмо, изъ котораго увидалъ, что Ташаванъ пришелъ наконецъ въ бѣшенство, когда послѣ 10 дней, обшаривъ всѣ углы своихъ владѣній, не могъ отыскать Па-Муа и поклялся разорвать его на части когда его найдутъ.

Наконецъ на 14-й день привели его къ Ташавану съ бѣлымъ ребенкомъ на рукахъ. Дорогой онъ узналъ объ участи, готовившейся ему и потому, представъ передъ Ташавана, онъ сказалъ: «Для чего вы искали меня? для чего понадобился вамъ «этотъ ребенокъ? ему было хорошо со мной. Я люблю его, я потому и взялъ его у Англичанъ, что онъ нравился мнѣ, что «я полюбилъ его, какъ только увидалъ, а тамъ, я самъ видѣлъ, «какъ его сѣкли розгами».

Во все это время онъ прижималъ къ себѣ дѣвочку, а та обнимала его и цѣловала.

«Я знаю, продолжалъ Па-Муа, что ты поклялся предать «меня смерти—я въ твоей власти, но и ребенка тебѣ не имѣть» и схвативъ его одной рукой за горло, а другой крѣпко придавивъ къ себѣ, онъ ее задушилъ, не смотря на то, что десятки рукъ бросились на него, чтобы помѣшать ему въ этомъ преступленіи.

С. М.

О БЫТѢ НАРОДОВЪ АРІЙСКАГО ПЛЕМЕНИ

ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

I.

Разхаживая по нашимъ великолѣпнымъ зданіямъ или путешествуя въ удобныхъ каретахъ и вагонахъ, намъ и въ голову не приходитъ сравнить нашъ бытъ съ бытомъ нашихъ отдаленныхъ предковъ. А между тѣмъ такое сравненіе очень интересно. Нужны были цѣлыя тысячелѣтія, чтобы люди, мало по малу совершенствуясь, дошли до того, чѣмъ они пользуются теперь.

Читая разсказы путешественниковъ про разныя отдаленныя страны, въ родѣ, напримѣръ, острововъ Австраліи, песчаныхъ степей Африки и первобытныхъ лѣсовъ Америки, мы узнаемъ о многихъ странныхъ, грубыхъ, смѣшныхъ и ужасныхъ порядкахъ, господствующихъ между ихъ жителями, которыхъ мы называемъ *дикарями:* одни изъ нихъ ходятъ нагишомъ, другіе еле-еле прикрываются звѣриными шкурами и незатѣйливыми передниками, сплетенными изъ листьевъ и перьевъ; одни поклоняются дикимъ звѣрямъ, другіе—грубымъ деревяннымъ и каменнымъ чурбанамъ; одни красятъ свое тѣло въ красный, бѣлый и зеленый цвѣтъ, другіе, намазавъ все тѣло медомъ, щеголяютъ прилѣпившимися перьями попугаевъ и колибри; одни питаются человѣческимъ мясомъ и гордятся, какъ орденами, головами убитыхъ враговъ, которыя вѣшаютъ на шею, другіе доходятъ даже до такой жестокости, что считаютъ необходимымъ убивать своихъ престарѣлыхъ родителей; одни привязываются къ той или

другой мѣстности и весьма неохотно покидаютъ её, другіе шляются постоянно съ мѣста на мѣсто по широкой степи или дремучему лѣсу, не имѣя понятія о томъ, что такое постоянное жилище. Вотъ какія племена встрѣчаются еще и по настоящее время; они теперь, конечно, представляютъ собою явленіе довольно рѣдкое, держатся только въ отдаленныхъ уголкахъ земли; но чѣмъ болѣе будемъ углубляться въ древность, тѣмъ чаще будемъ наталкиваться на такихъ людей. А когда-то было время, что и многіе другіе народы, забывъ слово Божье, открытое Адаму и древнимъ патріархамъ, вели жизнь, подобно австралійскимъ, американскимъ и африканскимъ дикарямъ. Какъ-же они вышли изъ этакого положенія? Кто ихъ просвѣтилъ, научилъ полезнымъ искусствамъ и ремесламъ, одѣлъ и доставилъ постоянныя жилища? Вотъ вопросы, которые само собою приходятъ въ голову, когда подумаешь, что въ незапамятную старину многіе народы вели столь грубую жизнь.

Лѣса были любимымъ мѣстопребываніемъ древнихъ людей, и теперешніе дикари рѣдко покидаютъ свои заповѣдные лѣса. И въ самомъ дѣлѣ лѣсъ представлялъ много заманчиваго для человѣка: разразится-ли надъ землею страшная буря, прольется-ли сильный дождь,—въ лѣсу и затишнѣе и можно найти убѣжище подъ темными вѣтвями вѣковаго дуба. Въ лѣсу такой человѣкъ найдетъ себѣ скорѣе пищу, чѣмъ на полѣ; тамъ есть множество животныхъ, за которыми онъ охотится, есть грибы, ягоды, которыя могутъ утолить его голодъ, а въ случаѣ крайности можно поживиться кореньями и древесною корою, чего въ открытомъ полѣ не найти. И вотъ человѣкъ живетъ себѣ въ густомъ лѣсу. Онъ нагъ, у него нѣтъ ни хозяйства, ни даже постояннаго жилища. Спрятался-ли онъ въ темный уголокъ отъ бури—является волкъ и оспариваетъ у него убѣжище; нужно силою отвоевать себѣ мѣстечко, и человѣкъ вступаетъ съ волкомъ въ борьбу. Человѣку захотѣлось ѣсть—и ему нужно довольствоваться или скудною растительною пищею, или поймать быстроногаго звѣрька, или съ опасностью жизни сразиться съ дикимъ воломъ, убить его и насытиться его мясомъ. Однимъ словомъ, ему со всѣхъ сторонъ угрожаетъ опасность и, чтобы противостоять ей, человѣкъ долженъ въ себѣ развить и смѣлость, и силу, и ловкость, и быстроту бѣга. Онъ наблюдаетъ за окружающею его природою и

заимствуетъ у своихъ товарищей-звѣрей тѣ привычки, которыя для него оказываются полезными. Онъ видитъ, что лиса роетъ себѣ ямы, куда прячется въ случаѣ опасности и гдѣ выводитъ своихъ дѣтенышей; вотъ и онъ воспользовался случившейся по близости пещерою и сдѣлалъ изъ нея свой первый домъ. Онъ видѣлъ, что медвѣдь въ опасности хватаетъ передними лапами большіе куски дерева и отмахивается ими отъ враговъ; вотъ и человѣкъ пришелъ къ мысли употреблять съ пользою для себя палицу. Но человѣкъ превосходитъ звѣрей одною драгоцѣнною чертою, именно умомъ вложеннымъ въ него Создателемъ вмѣстѣ съ безсмертною душою. Умъ этотъ не развитъ, но онъ уже начинаетъ пробуждаться и мало по малу заставляетъ человѣка какими нибудь окольными средствами восполнить то, чего не дано его тѣлу. Человѣкъ видѣлъ, что дикій волъ и олень успѣшно дѣйствуютъ рогами, и вотъ онъ нашелъ въ лѣсу скелетъ умершаго вола, отдѣлилъ рогъ, насадилъ его на палку, и такимъ образомъ получилась первая пика. Другое, тоже важное преимущество человѣка предъ прочими животными—это его руки. Только обезьяна можетъ съ нимъ сравниться въ этомъ отношеніи. Руками онъ удачнѣе можетъ направлять удары своей дубины, чѣмъ медвѣдь передними неуклюжими лапами; руками онъ можетъ бросать на болѣе или менѣе далекое разстояніе камень или бревно и такимъ образомъ поразить своего врага-звѣря еще прежде, чѣмъ тотъ подойдетъ къ нему. Однимъ словомъ, человѣкъ, хотя по физической силѣ и не можетъ сравниться со многими другими жителями дремучаго лѣса, но тѣмъ не менѣе рано является уже опаснымъ врагомъ послѣднихъ, такъ какъ онъ находчивѣе, умнѣе ихъ. Но если и теперь охотникъ за крупными четвероногими, не смотря на свой стальной кинжалъ и свое мѣткое ружье, зачастую подвергается опасности потерять жизнь, то такіе случаи бывали гораздо чаще, когда человѣкъ могъ вооружиться только камнемъ или дубиною съ рогомъ на концѣ. И большое множество людей погибло, по всей вѣроятности, отъ когтей медвѣдя и льва, зубовъ волка и тигра роговъ дикаго вола и клыковъ слона.....

Если мы не умираемъ отъ холода, господствующаго зимою во всѣхъ сѣверныхъ странахъ, то это благодаря только нашимъ хорошо сшитымъ шубамъ, нашимъ закрытымъ убѣжищамъ и

искусственному согрѣванію нашего тѣла посредствомъ огня и нѣкоторыхъ видовъ пищи и напитковъ. Но гдѣ-же было дикому человѣку пользоваться такими благами? Понятно поэтому, что утвердиться въ болѣе холодныхъ странахъ человѣкъ смогъ только тогда, когда кое-чему научился, пріобрѣлъ возможность искусственными средствами восполнять природные недостатки. Первобытною родиною человѣчества, какъ это доказали и ученыя изслѣдованія, были страны теплыя. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что почти всѣ жители нынѣшней Европы и западной Азіи происходятъ отъ народа Арійскаго, жившаго за нѣсколько тысячелѣтій въ лѣсистыхъ горахъ Гиндуку, въ Индіи, слѣдовательно въ климатѣ, не знающемъ зимы. Только постепенно, съ увеличеніемъ населенія этихъ горъ и съ большимъ развитіемъ жившихъ въ нихъ людей, послѣдніе начинаютъ выселяться въ различныя страны. Бытъ этихъ Арійцевъ долженъ былъ быть первоначально такимъ, какимъ онъ по необходимости является у дикарей, живущихъ въ лѣсахъ. Они жили въ лѣсахъ, укрывались въ пещерахъ и на деревьяхъ, боролись съ дикими звѣрями, ходили нагишомъ, чему не препятствовалъ теплый климатъ ихъ родины. Пищу ихъ составляли различныя животныя, которыхъ имъ удавалось поймать и умертвить. Питались они также ягодами, грибами и плодами фруктовыхъ деревьевъ, которыя, какъ извѣстно, растутъ безъ всякаго ухода въ теплыхъ странахъ. По всей вѣроятности, и рыба обратила на себя вниманіе этихъ людей, такъ-какъ они не могли не подмѣтить, что нѣкоторыя животныя ею питаются. Конечно, о томъ, чтобы варить пищу, у этихъ людей сначала не могло быть и рѣчи. Прошло, вѣроятно, много времени, пока человѣкъ научился добывать огонь и пользоваться имъ для различныхъ надобностей. Притомъ въ жаркихъ странахъ въ огнѣ необходимости гораздо меньше, чѣмъ въ умѣренныхъ и холодныхъ, а потому на него и меньше обращали вниманія *).

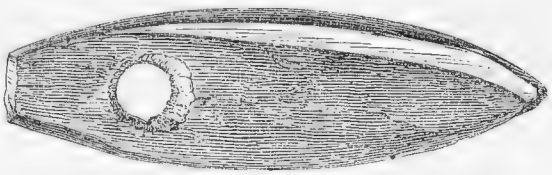
*) Извѣстный португальскій мореплаватель, Магеланъ, еще за триста лѣтъ до насъ открылъ на одномъ островѣ дикарей, не знающихъ употребленія огня. Костеръ, разведенный Магелланомъ, показался дикарямъ какимъ-то страшнымъ звѣремъ, пламя они принимали за языки, которыми этотъ звѣрь кусается, а дымъ—за его дыханіе.

Мы уже видѣли, какъ древній человѣкъ, сталъ скрываться въ порахъ и пещерахъ. Но такъ какъ онъ во всякой гористой мѣстности могъ находить подобныя убѣжища, то понятно, что онъ не дорожилъ постояннымъ жилищемъ. Вся его утварь состояла въ тѣ времена въ его деревянномъ или каменномъ оружіи, да еще подъчасъ въ звѣриной кожѣ, накинутой небрежно на плечи. Такое хозяйство не сильно затрудняетъ при перемѣнѣ жительства, а потому и не удивительно, что дикарю не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Еще до тѣхъ поръ пока есть вокругъ употребляемые имъ въ пищу звѣри, пока сильному льву или тигру не понравилась его пещера, пока дѣтеныши не подросли и не могутъ сами добывать себѣ пищу и даже слѣдовать за охотниками-родителями, до тѣхъ поръ послѣдніе стараются держаться на мѣстѣ; но лишь только предметовъ питанія вокругъ стало меньше, лишь только на пещеру сталъ нападать сильный звѣрь, лишь только дѣти могли, какъ говорится, пойти на свой хлѣбъ, дикарь оставлялъ мѣстность, съ которою его ничто не связывало, и шелъ дальше. Женщины въ тѣ времена немногимъ отличались отъ мужчинъ въ образѣ жизни; только въ тотъ періодъ, когда у нихъ бывали маленькія дѣти, онѣ сидѣли съ ними, охраняя ихъ отъ дикихъ звѣрей, пока они малы и безсильны. Но лишь только такая опека дѣлалась не необходимою, лишь только у дѣтей развивалась силенка, всѣ расходились въ разныя стороны. Понятія о семейной жизни при такихъ условіяхъ не было, да и откуда-же оно могло взяться?

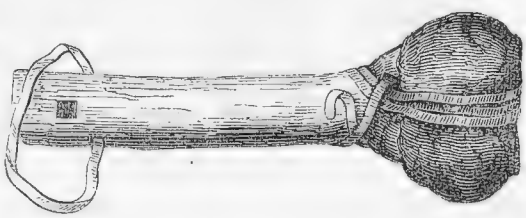
Мы уже знаемъ, что древній человѣкъ, жившій въ лѣсу, долженъ былъ постоянно сражаться, охраняя себя отъ нападеній и добывая пищу. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ развить въ себѣ силу, быстроту и ловкость, а также позаботиться о томъ, чтобы искусственными средствами восполнить природные недостатки въ этомъ отношеніи. Теперешніе дикари, находящіеся въ подобныхъ условіяхъ, отличаются тоже этими качествами. Путешественники нерѣдко удивляются ихъ исполинской силѣ, дозволяющей имъ бороться подъ часъ безъ всякаго оружія съ медвѣдемъ; они разсказываютъ, что, напримѣръ, краснокожіе американцы на пространствѣ двухъ — трехъ верстъ не отстаютъ отъ лошади, бѣгущей шибкою рысью. Тѣ изъ дикарей, которые живутъ у береговъ большихъ рѣкъ и озеръ, отлично

плаваютъ, удивительно долго могутъ оставаться подъ водою и ловятъ рыбу руками. Только благодаря такимъ способностямъ доисторическіе люди могли кое-какъ отстоять себя отъ постоянныхъ опасностей.

Рано человѣкъ сталъ придумывать различныя искусственныя средства для защиты, и постоянная тревога, заставлявшая его неусыпно заботиться о безопасности, была первою учительницею человѣка. Мы уже видѣли, что первымъ оружіемъ его являются палка и камень. Твердость послѣдняго и часто острое очертаніе должны были навести человѣка на мысль употреблять камень не только какъ метательное оружіе. Съ этою цѣлью онъ сталъ прилаживать его къ палкѣ, сталъ, посредствомъ тренія и удара другимъ камнемъ, придавать ему ту или другую форму, и такимъ образомъ получилъ нѣчто въ родѣ топора или молотка, который тяжестью удара, твердостью и клинообразностью оказывалъ ему не однократно услугу въ борьбѣ. Обыкновенно въ камнѣ, предназначенномъ для такого орудія, просверливалась дыра, въ которую вставляли палку. Такихъ топоровъ или молотковъ найдено очень много въ различныхъ странахъ Европы и Азіи.



Иногда камень, въ формѣ набалдашника ремнемъ, полученнымъ изъ шкуры убитаго звѣря, привязывался къ концу палки и давалъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ булавы.

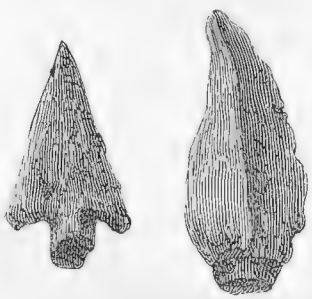


Мы уже знаемъ, какъ произошла первая пика изъ рога; такія пики бывали также съ каменными наконечниками. Для этой цѣли разщепливался одинъ конецъ палки, въ разщепъ вставлялся острый кремень и палка у разщепленнаго конца туго стягивалась ремнемъ, что укрѣпляло каменный наконечникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдены острые

кремни, обдѣланные очевидно рукою человѣка, имѣющіе форму нѣсколько похожую на нашъ обыкновенный ножъ.

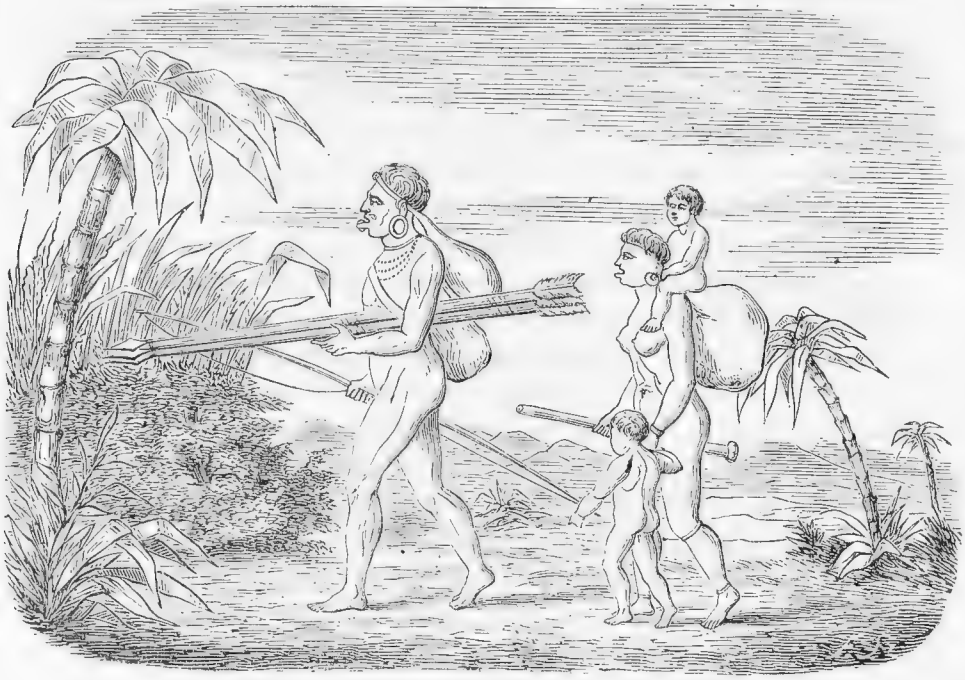
Живя постоянно въ лѣсахъ и наблюдая окружающую природу, человѣкъ замѣчалъ какъ свойства животныхъ, такъ и свойства деревьевъ, его окружающихъ. Мы уже видѣли, какъ наблюденіе за животными привело его къ возможности сдѣлать себѣ нѣчто вродѣ оружія. Онъ не могъ не замѣтить упругости въ тонкихъ, но прочныхъ вѣткахъ. Нѣкоторые виды деревьевъ особенно отличаются упругостью. Онъ видѣлъ, съ какою силою вѣтка, выведенная изъ своего естественнаго положенія, стремилась воротиться на прежнее мѣсто, онъ замѣтилъ такое-же свойство въ костяхъ нѣкоторыхъ рыбъ. Это могло его навести на мысль воспользоваться такимъ свойствомъ дерева и сдѣлать себѣ лукъ. Первобытный лукъ состоялъ изъ длинной, не очень согнутой дуги; оба края ея соединены были тетивою, для которой употреблялись обыкновенно жилы животныхъ. Натянуть такой лукъ не легко, но человѣкъ, могшій безъ оружія справиться съ медвѣдемъ, имѣлъ, конечно, достаточно силы для этого.

Посредствомъ такого лука пускались деревянныя стрѣлы съ костяными или каменными наконечниками. Ударъ стрѣлы, пущенной посредствомъ лука, и мѣтче, и сильнѣе, и дѣйствуетъ на болѣе отдаленное разстояніе, чѣмъ ударъ камня, брошеннаго рукой. Подобныя каменныя стрѣлки нерѣдко находятъ у насъ, особенно въ Московской губерніи; народъ убѣжденъ, что онѣ падаютъ съ неба во время грозы. Эти каменные наконечники плотно прикручивались къ дереву ремешками и жилами, иногда при помощи смолы. Стрѣлы пускали посредствомъ лука, а длинныя копья метали рукою. Впослѣдствіи, познакомившись съ ядовитыми соками нѣкоторыхъ растеній, стали намазывать наконечники такого оружія такимъ сокомъ, чтобы вѣрнѣе нанести смерть непріятелю. (См. рис. стр. 43).



Вотъ каковы были доисторическіе люди Арійскаго племени. Какой-же выводъ можемъ сдѣлать о ихъ правѣ? Они были жестоки и свирѣпы не знали семейной жизни, не имѣли другихъ

стремленій кромѣ желанія удовлетворить потребности своего тѣла. Добываніе пищи—вотъ единственное ихъ занятіе, а такъ какъ оно



Батакуды—современные намъ племя въ Сѣверной Америкѣ.

было сопряжено съ различными затрудненіями, то и вниманіе человѣка было обращено на удаленіе этихъ затрудненій. Въ пищѣ они не могли быть разборчивы: поѣдали все, что имъ ни попадалось, лишь бы только оно могло насытить ихъ. Весьма вѣроятно, люди этого періода, на подобіе нѣкоторыхъ дикихъ племенъ нашего времени, не брезгали и человѣческимъ мясомъ.

При такой свирѣпости и неразвитости у нихъ не могло быть истинныхъ понятій о Богѣ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ предметы страшные внушали къ себѣ глубокое уваженіе. Поэтому особенно сильные и почти непобѣдимые звѣри, въ родѣ льва, слона, змѣй и т. п. могли явиться божествами. Другіе чтили предметы, оказывающіе имъ пользу, напримѣръ большіе дубы, ясное солнце и т. д. Но, не смотря на столь жалкое состояніе, человѣкъ, въ сильной степени отличался отъ окружающихъ его животныхъ. Мы уже видѣли, какъ онъ въ раннее время успѣлъ себѣ приготовить кое-какое оружіе, потому что онъ одаренъ способностью мыслить, разсуждать. Это-то способность не позволила ему оставаться на одной степени

развитія, дала ему возможность постепенно, хотя медленно, улучшать свое положеніе и, наконецъ, дойти до той точки, на которой онъ находится теперь. Волкъ, съ которымъ сражался нашъ нагой, дикій предокъ, остался такимъ-же волкомъ и не сдѣлался ни снисходительнѣе, ни умнѣе, ни богаче; но человѣкъ, столь-же свирѣпый въ незапамятныя времена какъ и волкъ, теперь уже представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ совсѣмъ не то. Чѣмъ-же это объяснить? Да конечно тѣмъ, что человѣкъ, благодаря Творцу, надѣлившему его умомъ и безсмертною душою способенъ совершенствоваться, а другія созданія остаются такими-же, какими они разъ созданы.

Для того чтобы побѣдить тѣхъ животныхъ, которыя превосходили человѣка силою, послѣдній долженъ былъ изобрѣсти извѣстное оружіе, въ родѣ молотка, копья, стрѣлы, лука; но успѣхъ будетъ еще вѣрнѣе, когда борьбу станутъ вести совмѣстно два человѣка. Простой опытъ долженъ былъ убѣдить въ этомъ. Какъ ни лютъ и ни неразвитъ былъ человѣкъ, все-же онъ не могъ не сообразить возможности сблизиться съ другимъ себѣ подобнымъ созданіемъ, которое могло при помощи рѣчи, хотя и несовершенной, понять его. Сближаться заставила и простая выгода, и желаніе побольше обезопасить себя. Вотъ почему люди уже въ древнѣйшій періодъ своего существованія перестаютъ жить въ разбродъ, въ одиночку, и начинаютъ искать общества. Самыми близкими людьми по врожденному чувству должны были явиться собственныя дѣти, о которыхъ дикарь заботился во время ихъ малолѣтства. Они ближе знали другъ друга, слѣдовательно могли и потомъ согласнѣе жить вмѣстѣ. Такимъ образомъ произошло общество или семейство, члены котораго были связаны родствомъ и, главное, бо̀льшею безопасностью каждаго изъ нихъ. Когда такая семья разножилась, когда у сыновей и дочерей рождались дѣти, то образовался цѣлый родъ. Тутъ уже людямъ дѣлается гораздо безопаснѣе, потому что за каждаго въ отдѣльности стоятъ его родичи. Если одинъ изъ нихъ выдумаетъ какое нибудь новое оружіе, то изобрѣтеніе его дѣлается извѣстнымъ всему роду, перенимается имъ; если одинъ умудрился сдѣлать изъ жилъ и ремешковъ силокъ для ловли птицъ, то и каждый изъ родичей не преминулъ обзавестись такимъ-же орудіемъ для доставленія себѣ пищи. Ко

нечно, между родичами должны были возникать споры изъ за убитаго звѣря, изъ за пойманной птицы, изъ за оружія и т. д., недовольные оставляли родъ и шли бродить въ одиночку или заводили около себя отдѣльный кружокъ, но во всякомъ случаѣ люди стали уже другъ съ другомъ сообщаться. Теперь они были болѣе безопасны отъ дикихъ звѣрей. Прежде человѣкъ только защищался, теперь уже онъ сталъ господиномъ и самъ началъ преслѣдовать все то, что ему не нравилось. Роды кочевали по полямъ и лѣсамъ и добывали себѣ пищу охотой. Если во время такихъ странствованій одинъ родъ встрѣчался съ другимъ родомъ, то между ними обыкновенно возникала кровопролитная борьба. Одни видѣли, что другіе бьютъ звѣрей, ловятъ рыбъ и птицъ, а потому считали ихъ врагами, отнимающими пищу. Послѣ битвы слѣдовала обыкновенно пирушка, и побѣдители съ восторгомъ пожирали своихъ враговъ, подъ часъ вырѣзывая у живыхъ плѣнниковъ мягкія части тѣла и поѣдая ихъ на глазахъ несчастныхъ. Такія жестокости повторяются и до настоящаго времени у дикарей Австраліи, Африки и Америки; онѣ были въ ходу и у другихъ народовъ въ свое время, какъ объ этомъ повѣствуютъ древніе писатели.

II.

Шатаясь по лѣсамъ, люди питались исключительно охотою, которая во всякомъ случаѣ была сопряжена съ извѣстнаго рода опасностями. Ничего правильнаго въ такой жизни и не могло, конечно, быть. Человѣкъ ѣлъ не тогда, когда ему хотѣлось, а тогда, когда ему удавалось успѣшно поохотиться. Отъ охоты на желудкѣ иной день густо, а другой и пусто. И въ настоящее время охотникъ, не смотря на свое совершенное оружье, нерѣдко приходитъ домой безъ добычи; но въ настоящее время у человѣка есть домъ, въ домѣ кое какой запасецъ пищи, а потому онъ, воротившись со своихъ поисковъ за звѣремъ и дикою пищею, все-же не останется голоднымъ и насытится хоть кускомъ хлѣба. Но въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, голодъ или сытость исключительно зависѣли отъ охоты. Удалось убить звѣря или птицу—можно поѣсть и возстановить свои изнуренныя силы; не удалось—сиди голоднымъ до утра, а тамъ,

проголодавшись еще болѣе, ступай опять отъискивать пищу, которой можешь и не найти. Приходится подъ часъ цѣлыми недѣлями питаться плодами или ягодами. Благо еще, коли такое время года, что есть ягоды и плоды; но если ихъ нѣтъ, то скудные корни или вонючая падаль должны были замѣнять для человѣка его обыкновенное кушанье—свѣжее мясо дикихъ звѣрей. Невесело тогда дикарю, который высшею цѣлью своей жизни считаетъ удовлетвореніе своихъ физическихъ потребностей. Обладая умомъ, онъ по необходимости станетъ придумывать средства, какъ-бы помочь такому горю. Но, спрашивается, что ему дѣлать? Конечно, первый совѣтъ, который ему можно дать въ этомъ случаѣ, заключается въ томъ, что нужно оставлять пищу для себя про запасъ, что въ тѣ дни, когда отъ охоты бываетъ густо, не слѣдуетъ забывать, что могутъ настать времена, когда будетъ и пусто. И вотъ дѣйствительно, охотникъ нашъ, которому повезло на охотѣ, припряталъ на черный день убитаго зайца да пару перепеловъ. На слѣдующій день онъ задумалъ сняться съ прежняго мѣста и перейти въ другое. Онъ идетъ съ ношею на плечахъ и тяжело ему отъ его поши. Она утомляетъ его, стѣсняетъ его движенія. Она была причиною того, что, отягощенный зайцемъ и двумя перепелами, охотникъ не могъ съ обычной скоростью погнаться за попавшимся ему по пути оленемъ, и, такимъ образомъ, добыча ускользнула. Но, не смотря на то, человѣку удалось подстрѣлить кое какого звѣрька, онъ насытился и идетъ далѣе, довольный тѣмъ, что запасъ его цѣлъ и можетъ ему сослужить службу въ случаѣ неудачной охоты. Черезъ нѣсколько дней такой случай представляется, и нашъ дикарь принимается за своего зайца. Но послѣдній лежалъ не на ледникѣ, а былъ выставленъ на палящіе лучи южнаго солнца, потому испортился, завонялъ, въ немъ развелись черви. Охотникъ, разсерженный на зайца, кидаетъ его прочь и принимается за перепеловъ, но и съ ними случилось тоже. «Ужь лучше поголодать, пробиться кое какъ грибами и кореньями, чѣмъ ѣсть такую скверность,» думаетъ охотникъ. «Но зачѣмъ-же я таскалъ на моихъ плечахъ эту негодную пищу? спрашиваетъ онъ себя; къ чему я мучился съ нею? Она мнѣ помѣшала убить вкуснаго оленя, заставляла меня потѣть, и все напрасно, теперь она ни на что не годна. Значитъ, запасовъ

дѣлать нельзя». Вотъ заключеніе, къ которому приходитъ дикарь, послѣ того какъ его запасная пища оказалась никуда не годною. Онъ пересталъ заготовлять ее и пошелъ опять пробиваться кое какъ со дня на день.

Если заготовленіе запасной пищи для одного человѣка сопряжено съ такими затрудненіями и непріятностями, то каково-же сдѣлать это для цѣлаго рода, состоящаго изъ двадцати, тридцати, а иногда и болѣе человѣкъ?

Очевидно, что нужно придумать другой способъ предохраненія себя отъ голода, и наши дикари приходятъ къ тому заключенію, что еслибъ имѣть при себѣ постоянно живыхъ животныхъ, то прежнія неудобства устранились бы сами собою. Но если и ноша, покоющаяся на плечахъ, стѣсняетъ дикаря, постоянно мѣняющаго свое пребываніе, то возня съ живымъ звѣрькомъ еще затруднительнѣе. Нужно постоянно смотрѣть, чтобы онъ не убѣжалъ, чтобы ему доставить пищу. Да онъ, пожалуй, въ неволѣ и ѣсть не станетъ и издохнетъ отъ голода и скуки прежде, чѣмъ понадобится человѣку его мясо. Но что-же дѣлать? Нужно испробовать. Конечно, таскать съ собою дикаго быка невозможно, на это и силъ не хватитъ; нужно взять маленькаго теленка. И вотъ охотники изловили нѣсколько штукъ и погнали ихъ передъ собою. Возня была страшная, животныя постоянно разбѣгались во всѣ стороны, путешествіе этакимъ образомъ затруднялось до невѣроятности. Но вотъ еще новая бѣда: молодыя животныя, оторванныя отъ матери, стали хирѣть и одинъ за другимъ простились съ жизнью. Изъ многихъ плѣнныхъ остался только одинъ, два теленка, которые сначала хирѣли, потомъ стали поправляться, расти и наконецъ уже совершенно не нуждались въ помощи матери. Но смотрите, какая перемѣна въ его нравѣ? Изъ дикаго и неукротимаго онъ сдѣлался смирнымъ: сначала онъ порывался бѣжать, теперь самъ, безъ понукиванія, слѣдуетъ за людьми. Но, можетъ быть, онъ таковъ, пока совсѣмъ не выросъ? Нѣтъ! онъ преобразился уже съ теченіемъ времени въ здороваго, большаго быка, и нравъ его остался тотъ-же. Вотъ, наконецъ, секретъ то открытъ, можно имѣть при себѣ постоянно животныхъ живыхъ и убивать ихъ тогда, когда понадобится. Да жаль только, что изъ цѣлой кучи пойманныхъ телятъ уцѣлѣла и воспиталась только 1, 2 штуки; убивъ ихъ,

племя проживетъ въ довольствѣ день, два. А если голодъ посѣтитъ на недѣлю и болѣе? Опять, значитъ, придется бѣдствовать по прежнему. А между тѣмъ сколько хлопотъ, пока животное приручишь, сколько разъ изъ за него приходилось бороться со львомъ или медвѣдемъ, который не прочь воспользоваться трудами человѣка. Правда, въ открытомъ мѣстѣ, въ степи, безопаснѣе отъ лѣсныхъ хищниковъ, но вѣдь человѣкъ главнымъ образомъ находитъ свое пропитаніе въ лѣсу и, если оставитъ его, то скоро придется прибѣгнуть къ съѣденію скуднаго запаса и потомъ опять возвращаться въ лѣсъ и продолжать жить прежнею жизнью. Значитъ, чтобы разстаться съ лѣсомъ, нужно позаботиться объ увеличеніи числа прирученныхъ животныхъ. Человѣкъ начинаетъ дѣлать опыты надъ различными видами ихъ и приходитъ къ тому заключенію, что вола, козу, овцу, осла, верблюда, лошадь, свинью и собаку приручить довольно легко. Послѣдняя, хотя не вкусна для ѣды, но тѣмъ не менѣе до того привязывается къ человѣку, что готова защищать и его добро и его самого, готова сторожить по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вотъ одному племени охотниковъ дикарей удается, хотя съ большимъ трудомъ, приручить нѣсколько животныхъ, которыя своимъ мясомъ могутъ доставить ему пищу на извѣстное время. Эти дикари покидаютъ лѣсъ и выходятъ на степь привольную, сочная трава которой въ состояніи доставить обильную пищу для стада, а сама мѣстность ставитъ и людей и скотину въ болѣе безопасное положеніе отъ хищныхъ звѣрей. Проходитъ извѣстный періодъ времени, и стадо размножается, маленькіе дѣтеныши не гибнутъ такъ, какъ прежде, потому что они не отрываются отъ матерей, не лишаются своей обычной пищи—молока. Оказывается, что положеніе людей, покинувшихъ лѣсъ, не только не ухудшается, но дѣлается гораздо лучше сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было прежде, и относительно питанія, и относительно безопасности. Отъ прирученныхъ животныхъ человѣкъ начинаетъ получать молоко,—пищу, которая едвали доступна въ охотничьемъ быту. Но, можетъ быть, вы скажете, что въ степи нѣтъ широколиственныхъ деревьевъ и затишныхъ пещеръ, гдѣ бы человѣкъ могъ найти убѣжище во время ненастья, а потому ему съ этой стороны станетъ жаль своего прежняго лѣса? Ничуть не бывало; у него есть теперь болѣе

удобныя жилища. Кромѣ мяса и молока скотина доставляетъ ему шкуры. Снявъ шкуру съ мертваго животнаго (издохшаго или зарѣзаннаго), онъ не бросаетъ ея, а беретъ съ собою. Это не трудно сдѣлать тѣмъ болѣе, что онъ можетъ взвалить свой запасъ шкуръ на спину одного или нѣсколькихъ изъ прирученныхъ животныхъ и не затруднять себя вознею съ такого рода ношею. Эти шкуры, непроницаемыя для воды, дадутъ довольно удобное убѣжище во время дождя, если человѣкъ ихъ пристроитъ себѣ при помощи кольевъ и ухитрится сдѣлать такимъ образомъ палатку. Вотъ и искусственная пещера, вотъ и убѣжище отъ дождя и палящихъ лучей солнца. Иногда люди не довольствовались такого рода жилищами, и тогда они рыли себѣ въ землѣ, на склонѣ холма, ямы, которыя служили имъ тоже убѣжищемъ. Конечно, послѣднее было сопряжено съ нѣкотораго рода трудомъ, но такъ какъ стадо обыкновенно въ одной и той-же мѣстности могло очень удобно оставаться нѣсколько недѣль, даже нѣсколько мѣсяцевъ, то трудъ предпринимался не для одного дня, а для болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Этотъ бытъ носитъ названіе *кочеваго* или *пастушескаго*. Въ восточныхъ и сѣверныхъ степяхъ Европейской Россіи, въ Сибири, въ Туркестанѣ и во многихъ другихъ странахъ еще и по настоящее время живутъ такіе кочевники. Конечно, такой переходъ отъ звѣроловнаго быта къ пастушескому обусловливается самою природою мѣстности, въ которой живутъ люди. Если вся мѣстность сплошь покрыта дремучимъ лѣсомъ, не имѣетъ богатыхъ растительностью степей, то въ ней безъ сомнѣнія людямъ не легко разстаться съ охотничью жизнью; если же, напротивъ, лѣса идутъ въ перемѣжку съ равнинами, если страна изобилуетъ тѣми животными, которыхъ можно приручить, то дикари охотники легче разстанутся со своими привычками и преобразятся въ *кочевниковъ* или *номадовъ*.

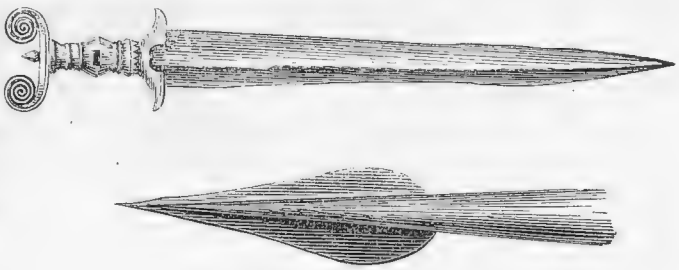
Стоитъ только немножко подумать, чтобы сообразить, сколько значительныхъ преимуществъ представляетъ собою этотъ новый бытъ сравнительно съ предъидущимъ. Жизнь человѣка идетъ теперь гораздо правильнѣе, онъ гораздо достаточнѣе, устраивается удобнѣе, пища у него обильнѣе, онъ болѣе безопасенъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей. Мало по малу онъ начинаетъ

присматриваться къ своему новому положенію и открываетъ такія удобства, какія ему прежде и въ голову не приходили. Скотина, которая входитъ въ составъ его стада, не только даетъ ему пищу, она даетъ ему, какъ мы видѣли, и жилище изъ шкуръ. Она бываетъ способна и къ тому, чтобы нести на своихъ плечахъ различныя тяжести. Вотъ, значитъ, человѣкъ можетъ обзавестись тѣмъ, что ему необходимо, его утварь переносится съ мѣста на мѣсто животнымъ и не затрудняетъ его. Замѣтивъ, что нѣкоторыя изъ домашнихъ животныхъ способны къ переноскѣ тяжестей, человѣкъ приходитъ къ мысли, нельзя ли и для самого себя воспользоваться этимъ качествомъ животнаго, т. е. сидя на его спинѣ, передвигаться съ мѣста на мѣсто. Оказывается, что волъ, корова, оселъ, верблюдъ, а особенно лошадь очень способны къ этому. Такимъ образомъ входитъ въ употребленіе верховая ѣзда. Это обстоятельство дѣлаетъ переходы гораздо болѣе удобными и скорыми. Но ѣздить верхомъ и возить съ собою маленькихъ дѣтей, которыя самостоятельно держаться на лошади не могутъ, нѣсколько стѣснительно; а потому человѣкъ долженъ подумывать о томъ, нельзя ли устроиться въ путешествіяхъ такъ, чтобы сидѣть было попросторнѣе. Подъ вліяніемъ такихъ думъ онъ приходитъ къ возможности сдѣлать нѣчто въ родѣ телѣжки. По всей вѣроятности, первоначально телѣги были похожи на наши сани, а колеса, кажется, составляютъ изобрѣтеніе болѣе позднее. Оси колесныхъ телѣгъ обыкновенно ничѣмъ не смазывались, а потому во время движенія такого экипажа слышался всегда пронзительный скрипъ и шумъ. Такія кибитки или «арбы» въ большомъ ходу и теперь у кочующихъ Татаръ, которые говорятъ, что они ѣздятъ какъ честные люди, не скрываются, а потому не имѣютъ надобности заботиться о томъ, чтобы ихъ повозки не «кричали». Такая телѣга обыкновенно двигалась при помощи впрягавшихся въ нее воловъ или коровъ. Она имѣла наверху нѣчто въ родѣ будки изъ шкуръ, служившей непроницаемымъ препятствіемъ для дождевыхъ капель и солнечныхъ лучей. Въ такихъ телѣгахъ или кибиткахъ помѣщаются обыкновенно дѣти, женщины и всѣ пожитки незатѣйливаго хозяйства номада, самъ же онъ чаще всего скачетъ на лошади, наблюдая вмѣстѣ съ другими родичами за стадомъ, не отдѣлилось ли отъ него какое нибудь животное, не грозитъ ли

какая' либо опасность? Къ прежнему оружію присоединяется теперь новое — арканъ, т. е. длинная петля, сплетенная изъ тоненькихъ ремешковъ. Она служитъ для того, чтобы ловить убѣгающее животное. Человѣкъ гонится за нимъ на лошади и старается бросить свой арканъ такъ, чтобы петля попала на шею бѣглеца. Такъ какъ другой конецъ ременчатой веревки находится въ рукахъ у человѣка, то догоняемое животное, убѣгая и метаясь, само затягиваетъ петлю, сдавливаетъ себѣ шею и наконецъ, изнуренное и не могущее дышать, падаетъ на землю, сдаваясь такимъ образомъ побѣдителю человѣку, который подоспѣваетъ, надѣваетъ на падшаго узду и потомъ уже распутываетъ арканъ. Животное, получивъ опять возможность дышать и двигаться, видитъ себя уже въ плѣну у человѣка и по необходимости подчиняется своему побѣдителю.

Во время походовъ женщины обыкновенно сидятъ въ кибиткахъ. Онѣ уже не занимаются тѣмъ же, чѣмъ мужчины, какъ въ охотничьемъ быту, а, предоставивъ послѣднимъ наблюденіе за стадомъ, раздѣляютъ свое время между уходомъ за дѣтьми и хозяйскими заботами. Онѣ плетутъ арканы, шьютъ, при помощи жилъ, одежду изъ шкуръ, дѣлаютъ изъ шерсти войлокъ, изъ молока творогъ и т. д.

Обыкновенно у кочевниковъ встрѣчаемъ уже и металлическія издѣлія. Изъ металловъ прежде всѣхъ у людей въ употребленіи явилась мѣдь, которая въ иныхъ мѣстахъ попадается почти на поверхности земли, а желѣзо представляетъ уже пріобрѣтеніе болѣе поздняго времени. Изъ мѣди выдѣлывалось оружіе и различнаго рода украшенія. Теперь каменные ножи замѣняются мало по малу мѣдными, входитъ въ употребленіе мечъ (сабля), рукоятка котораго бываетъ не безъ украшеній. Наконечники для стрѣлъ дѣлаются тоже мѣдные, большею частью въ формѣ древеснаго листа. Находятъ тоже много мѣдныхъ украшеній, принадлежащихъ, безъ сомнѣнія, этому отдаленному вре-



мени. Женщины на шеѣ носили мѣдныя ожерелья, гладкія или крученыя, изъ одной или нѣсколькихъ проволокъ. На рукахъ, а иногда и на ногахъ, носили браслеты, состоящіе изъ мѣднаго кольца завиткомъ (спирально). Въ большомъ ходу были бубенчики, которые привѣшивались къ поясу и при всякомъ движеніи издавали звуки. Нечего и говорить, что мѣдныя сережки представляли собою тоже предметъ весьма распространенный. Сережки — любимое украшеніе даже лѣсныхъ дикарей, которые, за неимѣніемъ металловъ, продѣваютъ нерѣдко въ уши, въ носъ, въ нижнюю губу раковины, деревянныя пластинки и перья.

Зажилъ теперь человѣкъ себѣ въ привольной степи и жизнь его стала свободнѣе и удобнѣе. День и ночь онъ проводилъ въ наблюденіи за своимъ стадомъ, въ чемъ ему помогаетъ вѣрный спутникъ — собака. Незачѣмъ ему очень бояться хищныхъ животныхъ: въ открытомъ мѣстѣ ихъ меньше, да и завидѣть ихъ можно издали, а тѣмъ временемъ принять свои мѣры для защиты. Онъ перестаетъ, слѣдовательно, въ нихъ видѣть божественную, сверхъ естественную силу. И тотъ дубъ, которому онъ прежде покланялся, теряетъ теперь для него значеніе, потому что онъ ему не особенно нуженъ. Но нужна человѣку трава, какъ пища для скота, нуженъ дождь,

который освѣжаетъ природу и побуждаетъ ее къ производству растительности, нуженъ свѣтъ, чтобы видѣть окружающіе предметы и избѣгать опасности. И вотъ онъ начинаетъ всматриваться въ солнце, поражается его великолѣпнымъ видомъ, начинаетъ понимать благотворное вліяніе его на всю природу, и потому признаетъ его богомъ. Не имѣя еще истинныхъ понятій о Богѣ, онъ думаетъ, что солнце само по себѣ даетъ теплоту, вызываетъ растительность, производитъ свѣтъ. Онъ замѣчаетъ, что солнце такъ же странствуетъ по небу, какъ человѣкъ по землѣ, оно гонитъ тучки, какъ человѣкъ свои стада. Но вотъ солнце скрылось. Темная ночь спустилась на землю, а вмѣстѣ съ ней и холодъ. Въ это время человѣку нужно больше всего бояться за себя и за свое стадо, потому что и злой звѣрь, и злой человѣкъ могутъ самымъ незамѣтнымъ образомъ подойти и нанести вредъ. «Ночь—другъ вора и разбойника, говоритъ номадъ; не будь мѣсяца и ясныхъ звѣздочекъ, было бы еще хуже». Значитъ, луна братъ солнца; она замѣняетъ солнце, когда послѣднее, уставъ отъ своего путешествія, отправится отдыхать. Одна только луна ночью борется съ силою мрака. Но лишь только проснулось солнце, опять настаетъ свѣтлый день: холодъ смѣняется теплотою, дикіе звѣри возвращаются въ свои лѣса, змѣи въ свои норки, опять свобода, опять безопасность. Такимъ образомъ въ умѣ человѣка складывается понятіе о томъ, что есть двѣ сверхъестественныя силы, управляющія всѣми явленіями природы: одна добрая, свѣтлая, другая злая, темная. Эта добрая сила постоянно борется со злою, союзницею воровъ, хищниковъ, змѣй и смерти, и человѣкъ надѣется, что настанетъ въ далекомъ будущемъ время, когда злая сила уничтожится окончательно и вездѣ восторжествуетъ добрая, представителемъ которой является солнце. До насъ дошла одна изъ молитвъ, съ которою дикія племена, живя еще въ Азіи, обращались къ солнцу. Вотъ она: «Возстань, о солнце, и доставь то, въ чемъ мы нуждаемся. Порази ночь твоимъ лучомъ и погуби вмѣстѣ съ ней опасности, намъ угрожающія. Ты услышь нашу молитву; ты прими отъ насъ въ жертву козла, корову или коня. О солнце, дитя неба! Ты будь къ намъ благосклонно на столько, чтобы мы прославились тучностью на-

шихъ коровъ, многочисленностью овецъ и барановъ, собственною силою и здоровьемъ»!

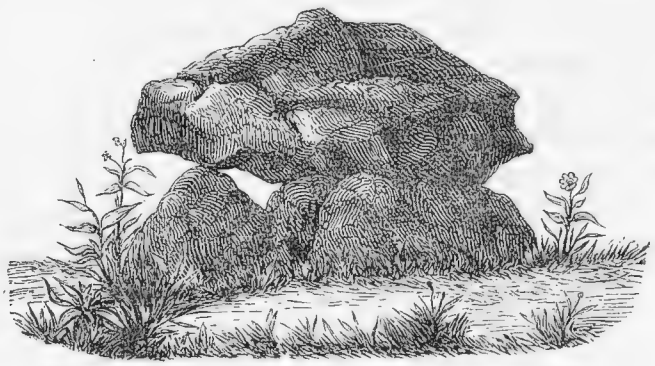
Если и въ охотничьемъ быту мы видѣли, что люди стали сближаться другъ съ другомъ и предпочли бродить цѣлыми родами, чѣмъ поодиночкѣ, то родовая жизнь въ быту скотоводномъ еще болѣе упрочилась. Одинъ человѣкъ могъ еще доставить себѣ насущную пищу, но справляться одному съ цѣлымъ стадомъ было бы совсѣмъ не подъ силу. Еслибъ онъ вздумалъ весь трудъ взвалить на себя, то часть скота его разбѣжалась бы, другую уничтожили бы хищные звѣри, и онъ остался бы ни при чемъ. Поэтому за стадомъ ухаживаетъ цѣлый родъ, и стадо является собственностью не отдѣльнаго лица, а всѣхъ родичей, которые пользуются имъ сообща. Когда два такихъ рода встрѣтятся на широкой степи, то рѣдко обходится безъ кровопролитной драки. Спрашивается, изъ за чего же? Изъ за травы? Но вѣдь ея было достаточно. Нѣтъ, не изъ за травы, а изъ за того, что одна и другая сторона желала бы увеличить число своихъ овецъ, верблюдовъ и лошадей. Побѣдители захватывали обыкновенно стада побѣжденныхъ себѣ, потому что люди, находящіеся на такой степени развитія, не спрашиваютъ, что справедливо, а что нѣтъ. Все право у нихъ заключается въ силѣ; кто посильнѣе, тотъ и можетъ распорядиться какъ ему угодно. Люди, входившіе въ составъ одного рода, питали другъ къ другу кое какое уваженіе, старались не обижать другъ друга; но на членовъ другаго рода они смотрѣли не такъ и позволяли себѣ относительно ихъ выказывать полнѣйшее безчеловѣчіе. Видно, что въ этомъ отношеніи они недалеко ушли отъ людоѣдовъ.....

Однимъ изъ величайшихъ пріобрѣтеній, относящихся ко временамъ старины незапамятной, было, безъ сомнѣнія, пріобрѣтеніе огня. Кажется, въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, сообразное съ нуждами употребленіе огня не было извѣстно. Въ первый разъ человѣкъ долженъ былъ увидѣть огонь отъ молніи, зажегшей какое нибудь сухое дерево; но, не смотря на то, что молнія представляетъ собою явленіе довольно частое, прошло не мало времени, пока человѣкъ научился употреблять огонь для своей пользы. Добываніе огня производилось посредствомъ тренія двухъ кусковъ сухаго дерева, которые такимъ образомъ нагрѣваются до того, что загораются. Другимъ

средствомъ добыванія огня было высѣканіе его изъ кремня посредствомъ твердаго металла; но послѣдній способъ, очевидно, болѣе поздній, такъ какъ и само знакомство человѣка съ ископаемымъ царствомъ далеко не раннее. Съ пріобрѣтеніемъ огня люди мало по малу перестаютъ употреблять сырую пищу; они получаютъ возможность побѣждать природный холодъ болѣе сѣверныхъ странъ и такимъ образомъ разселяются въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ. Да и въ жаркомъ поясѣ ночи иногда бываютъ довольно холодныя, и потому разведеніе костра далеко не излишне. Но костеръ ночью имѣетъ не только это значеніе: пламя его пугаетъ дикихъ животныхъ и заставляетъ ихъ воздержаться отъ нападеній, а съ другой стороны, освѣщая извѣстное пространство, оказываетъ человѣку немаловажную услугу. Вотъ почему и огонь, рядомъ съ солнцемъ и луною, является предметомъ поклоненія у древнихъ народовъ. «Онъ тоже борется съ мракомъ, какъ солнце и луна, онъ тоже оказываетъ благотворное вліяніе на человѣка, значитъ—онъ тоже богъ;» вотъ какъ должны были разсуждать непросвѣщенные люди. Огнепоклонники существуютъ въ Азіи еще и понынѣ; ежегодно громадное количество ихъ стекается въ окрестности нашего кавказскаго города Баку, гдѣ находится священный, по ихъ мнѣнію, родникъ огня. Дѣло въ томъ, что близъ Баку есть горящіе нефтяные источники.

Узнавъ, какой взглядъ имѣли древніе люди на огонь, мы поймемъ причину того, что они въ большей части случаевъ предавали сожженію тѣла своихъ покойниковъ. Они всегда думали, что послѣ смерти начинается новая жизнь, хотя и считали ее хуже, чѣмъ та, которою человѣкъ пользуется на землѣ, поэтому они хотѣли, чтобы человѣкъ переходилъ въ другую жизнь при посредствѣ божества, т. е. огня. Прахъ покойника, послѣ сожженія, обыкновенно собирали въ горшокъ, который одни племена возили съ собою при переѣздѣ съ мѣста на мѣсто, а другіе зарывали въ землю, вмѣстѣ съ тѣми предметами, которыми человѣкъ пользовался при жизни, напр. лукомъ, стрѣлами, копьемъ и т. д. Кочевники, возившіе съ собою прахъ своихъ мертвецовъ (возили главнымъ образомъ прахъ людей, прославившихся въ битвахъ, и прахъ уважаемыхъ родоначальниковъ), останавливаясь въ какомъ нибудь мѣстѣ на нѣ-

сколько недѣль или мѣсяцевъ, ставили урны съ прахомъ на землю, обставляли ихъ съ четырехъ сторонъ камнями, и потомъ наверхъ клали большой камень, который прикрывалъ собою урну на подобіе крыши. Отправляясь затѣмъ въ другое мѣсто, они опять брали съ собою горшокъ съ прахомъ. Такія гробницы носятъ названіе *долменовъ*, и останки ихъ встрѣчаются довольно часто въ западной Европѣ.



Но, какъ мы сказали, не всѣ племена отличались такою преданностью памяти предковъ; другія зарывали тѣла или прахъ въ урнахъ въ землю и наверху дѣлали насыпи, называемыя *могилами*. Подобныхъ могилъ чрезвычайно много въ равнинныхъ мѣстностяхъ южной Россіи, напр. въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской и Кіевской. Слово «могила» происходитъ отъ «могу», «мочь», «могущество». Основываясь на этомъ, можно предполагать, что величина могилы служила какъ бы выраженіемъ могущества и достоинства того лица, которое подъ нею покоится. Чѣмъ знатнѣе покойникъ, тѣмъ больше людей трудилось надъ постройкою ему памятника—могилы, тѣмъ и могила вышла громаднѣе. Могилы, въ которыхъ, по преданію, похоронены цари кочеваго народа, извѣстнаго подъ именемъ Скиѳовъ, отличаются исполинскими размѣрами.

Но кромѣ этихъ способовъ хоронить мертвыхъ были еще и другіе. Нѣкоторые кочевники снаряжали мертвеца въ загробный путь такимъ образомъ, что клали его въ сани, запряженныя невыѣзженнымъ конемъ, и пускали животное въ степь. Другіе полагали, что путешествіе въ новую жизнь слѣдуетъ совершать по водѣ, и потому устроивали гробъ въ формѣ лодки или ко-

рыта, клали въ него мертвеца и пускали на рѣку, въ той надеждѣ, что волны снесутъ покойника въ ту неизвѣстную даль, куда всѣ стремятся, и откуда никто не возвращается.

III.

Главною заботою всякаго полудикаря является снабженіе себя достаточнымъ количествомъ пищи. На это онъ обращаетъ главное вниманіе, этимъ вызываются тѣ усовершенствованія, которыхъ онъ успѣлъ на первыхъ порахъ достигнуть. Охотникъ наблюдаетъ за жизнью дикихъ животныхъ и птицъ и подумываетъ, какъ-бы ему легче обезпечить за собою успѣшную охоту; все, что относится до стада, сильно интересуетъ скотовода, который, изучая привычки и нравы своей скотины, старается вести дѣло такъ, чтобы устранить всѣ опасности и способствовать размноженію своего хозяйства. Это обстоятельство заставляетъ номада обратить вниманіе на пищу животныхъ и изучить ее. Почти всѣ домашнія животныя поддерживаютъ свою жизнь растительною пищею, трава является главнымъ кормомъ для нихъ. Человѣкъ начинаетъ наблюдать за полевыми растеніями, видитъ, какъ они только что успѣли прорѣзаться изъ подъ земли, какъ цвѣтутъ, какъ даютъ плодъ, какъ производятъ сѣмена, изъ которыхъ черезъ извѣстный промежутокъ времени должны развиться новыя растенія. Разъ замѣтивъ, что растенія развиваются изъ сѣмени, человѣку не трудно было додуматься до того, что можно искусственнымъ образомъ собрать зрѣлыя сѣмена, посѣять ихъ, и тогда получится растеніе, что можно бы иногда завести такимъ образомъ ту или другую траву въ такой мѣстности, въ которой она не растетъ сама по себѣ.

Видя, что то или другое растеніе поѣдается животнымъ, человѣкъ тоже можетъ попнтересоваться вкусомъ и свойствами этого растенія; такое явленіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ звѣроловномъ быту, онъ, какъ мы видѣли, не избѣгалъ растительной пищи, хоть, напримѣръ, въ видѣ ягодъ. Но въ степи онъ не встрѣчаетъ ни грибовъ, ни ягодъ, ни фруктовыхъ деревьевъ, а потому предстоитъ обратить вниманіе на полевыя растенія, если желательно не разставаться съ растительною пищей. Чело-

вѣкъ, по всей вѣроятности, неоднократно испробовалъ траву, прежде чѣмъ убѣдился окончательно въ ея негодности для питанія его тѣла. Но вотъ ему попался колосъ пшеницы, растущей въ дикомъ состояніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жаркаго климата. Стебелекъ пшеницы не вкусенъ, не питателенъ, но зернышки ея, измельченныя и обращенныя въ полу-жидкое состояніе зубами, даютъ пищу весьма годную. Полудикарь начинаетъ дѣлать опыты надъ пшеницею и другими зерновыми растеніями, попадающимися ему въ степи: онъ ихъ размягчаетъ при помощи молока, воды, варитъ и т. д. и каждый разъ убѣждается все болѣе и болѣе въ возможности ѣсть ихъ. Онъ радъ, потому что новая пища, употребляемая въ перемѣжку со старою, доставляетъ ему удовольствіе. И вотъ онъ выбралъ нѣкоторыя растенія, въ родѣ пшеницы, риса, и сталъ заботиться объ искусственномъ ихъ разведеніи. Онъ тщательно собралъ кучку сѣмянъ дикорастущихъ злаковъ, и остановившись на болѣе продолжительное время со своимъ стадомъ, отдѣлилъ кусочекъ поля, освободилъ его отъ дикорастущей травы и бросилъ зерна въ землю. Извѣстна быстрота, съ которою въ теплыхъ странахъ растительность поднимается вверхъ, потому труды его не пропали даромъ и онъ успѣлъ вдоволь насытиться зернами, добытыми изъ прекрасно созрѣвшихъ колосьевъ, которые явились отъ его посѣва. Но не думайте, чтобы такой успѣхъ получился безъ труда. Напротивъ, трудовъ и хлопотъ со всѣмъ этимъ было весьма много. Нетолько нужно было освободить мѣсто отъ посторонней растительности, срѣзавъ траву и исцарапавъ острымъ орудіемъ почву, нужно было еще охранять посѣвъ отъ скотины, которая, бродя кругомъ, заходила и на засѣянный участокъ, немилосердно топтала и поѣдала растеніе, разводимое человѣкомъ. Тутъ-то, можетъ быть, пришла послѣднему въ первый разъ мысль сдѣлать нѣчто въ родѣ забора вокругъ засѣяннаго участка.

Такимъ образомъ человѣкъ начинаетъ знакомиться съ различными видами хлѣбныхъ растеній, начинаетъ ихъ употреблять въ пищу. Вслѣдствіе этого онъ долженъ постараться, чтобы переходы съ мѣста на мѣсто не были столь часты, какъ прежде, потому что надо дать время созрѣть посѣву. Прежде ничто его не удерживало на мѣстѣ, онъ былъ легокъ на подъемъ; теперь ему жаль бро-

сить свой трудъ, ему не хочется лишиться тѣхъ зеренъ, на которыя онъ разсчитывалъ и которыя еще не созрѣли. Вотъ явилась приманка, и онъ начинаетъ останавливаться на одномъ мѣстѣ болѣе долго, чѣмъ прежде.

Если у человѣка одно платье, то онъ обыкновенно болѣе бережно къ нему относится, чѣмъ тогда, когда у него есть про запасъ другое; дитя гораздо болѣе дорожитъ своею игрушкою, когда знаетъ, что она у него единственная, и, въ случаѣ порчи или пропажи, другая не явится на ея мѣсто; но попробуйте ему подарить много игрушекъ и вы непремѣнно увидите, что онѣ очень быстро и портятся, и теряются. Если даже этого не случится, то вы можете быть увѣрены, что ребенокъ постоянно одной игрушкой играть не будетъ, а постарается пустить въ ходъ всѣ, или вмѣстѣ, или поочередно. Такое точно явленіе мы замѣчаемъ и у полудикаго номада. Лишь только, познакомившись съ хлѣбными растеніями, онъ получилъ возможность добывать себѣ пищу и помимо своего стада, онъ сталъ послѣднимъ дорожить гораздо меньше сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда домашнія животныя составляли единственную пищу его, единственную надежду. Большое стадо непремѣнно требуетъ частыхъ переселеній, потому что оно довольно скоро уничтожаетъ всю траву въ окрестности; но человѣкъ теперь тяжеле на подъемъ, потому онъ тяготится большимъ стадомъ; онъ готовъ имѣть меньше домашнихъ животныхъ, лишь бы только не часто сдвигаться съ мѣста. Такимъ образомъ исключительно скотоводный бытъ мало по малу переходитъ въ *земледѣльческій*.

Останавливаясь болѣе продолжительное время на одномъ мѣстѣ, человѣкъ не прочь обзавестись и болѣе приличнымъ жилищемъ, въ которомъ онъ прежде мало нуждался. И въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли онъ много заботиться о своемъ помѣщеніи, когда зналъ, что сегодня онъ здѣсь, а завтра на разстояніи какихъ нибудь тридцати, сорока верстъ? Ему не было ни времени, ни охоты строить себѣ мало-мальски затѣйливое жилище, такъ какъ съ перемѣною мѣста труды его пропадали даромъ. Но теперь дѣло другое, теперь онъ поселяется на нѣсколько мѣсяцевъ. Прежде ему было лѣнь вырыть себѣ пещеру и онъ довольствовался своею палаткою изъ кожъ, которую могъ опрокинуть сильный вѣтеръ, теперь же онъ не только выроетъ себѣ пещеру, но

обставитъ ее кольями, оплететъ колья вѣтвями, или прикроетъ шкурами, наноситъ въ свою землянку сѣна, чтобы спать было мягче, однимъ словомъ постарается себѣ доставить удобства, на столько, сколько у него хватитъ силъ и ума. Тутъ уже заключается зародышъ *осѣдлой* жизни. Сначала человѣкъ поселяется на нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ привыкаетъ къ новому быту и начинаетъ жить постоянно на одномъ мѣстѣ. Осѣдлость представляется особенно заманчивою въ тѣхъ странахъ, гдѣ бываетъ холодное время года, и въ которыя, какъ мы видѣли, человѣкъ, научившись пользоваться огнемъ, получилъ доступъ. Хотя, конечно, ведя бродячую жизнь, можно согрѣться въ случаѣ холода у костра, но все-же пріятнѣе просидѣть это время въ закрытой избушкѣ. Да притомъ на костеръ вполнѣ полагаться нельзя, такъ какъ не всегда въ открытомъ полѣ легко достать дровъ, а возиться съ ними весьма стѣснительно, потому что дрова тяжелы, а сгораетъ ихъ много.

Не нужно думать, чтобы человѣкъ, возъимѣвъ намѣреніе доставить себѣ постоянное жилище, долженъ былъ вполнѣ отказаться отъ стада; напротивъ, ничто ему не мѣшало обладать извѣстнымъ количествомъ головъ скота, который могъ пастись въ окрестностяхъ, но только, конечно, домашнихъ животныхъ не могло быть при такихъ условіяхъ очень много, такъ какъ въ этомъ случаѣ потребовались-бы обширныя пространства для ихъ пропитанія, что дѣлало-бы невозможнымъ полюбившуюся человѣку осѣдлую жизнь.

Но въ какой же мѣстности долженъ былъ поселиться этотъ человѣкъ? Въ степи-ли, въ лѣсу-ли, или тамъ, гдѣ и то и другое находится подъ руками? Не говоря уже о томъ, что чисто степная мѣстность представляетъ собою довольно много неудобствъ для посѣва, поселяющійся человѣкъ не могъ избрать степи мѣстомъ своего постояннаго жительства уже потому, что ему нужно дерево, его онъ употребляетъ и на постройку, и на топливо. На постоянное жилище онъ долженъ былъ посмотрѣть серьезнѣе, чѣмъ на временное. И мы не пожалѣемъ труда для того, что дѣлаемъ навсегда. Временное жилище было сколочено кое-какъ, на скорую руку; устраивать такъ постоянное — не расчетъ. И вотъ вмѣсто тѣсной пещеры и непрочной палатки является просторная хижина, построенная изъ

дерева. Она можетъ противостоять дѣйствію бури, давать убѣжище во всякое время. Она уютна и тепла, потому что посрединѣ ея возвышается очагъ, сложенный изъ камней, на которомъ разводится огонь. Дымъ уходитъ въ отверстіе крыши, замѣняющее наши трубы. Изъ этого описанія домика древняго земледѣльца вы видите, что онъ не могъ строиться въ широкой степи. Поэтому-то и въ настоящее время необозримыя степныя пространства, въ родѣ, напримѣръ, степей каспійскихъ и средне-азіятскихъ, почти не имѣютъ селъ и городовъ, а жители ихъ—скотоводы—кочевники.

Желая сохранить за собою стада и въ тоже время заняться земледѣліемъ, люди не могли забираться въ лѣса, такъ какъ тамъ почва для хлѣбныхъ растеній не годится, а дикіе звѣри могутъ передавить всю скотину и еще, чего добраго, предпринять нападеніе на жилище.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что удобнѣе всего было поселяться тамъ, гдѣ поля, лѣса и луга идутъ въ перемѣжку. Въ такомъ случаѣ древній человѣкъ могъ съ успѣхомъ поблизости сѣять хлѣбъ, доставать дрова и пасти скотъ. Иногда для разнообразія онъ бралъ свой лукъ и отправлялся съ вѣрною собакою въ глубину лѣса, чтобы позабавиться охотою за тѣми звѣрями, съ которыми дѣды его вели войну на жизнь и смерть, и доставить себѣ мягкій пушистый и теплый мѣхъ волка или медвѣдя. Но какая разница между дѣдомъ и внукомъ! Первый боролся съ медвѣдемъ и волкомъ за свое существованіе, второй для забавы или для пріобрѣтенія того, безъ чего онъ въ крайности могъ-бы обойтись; первый почти исключительно разсчитывалъ въ борьбѣ на свою физическую силу, у втораго острый мечъ и сильно ударяющая металлическая стрѣла. Времена значительно измѣнились къ лучшему для человѣка....

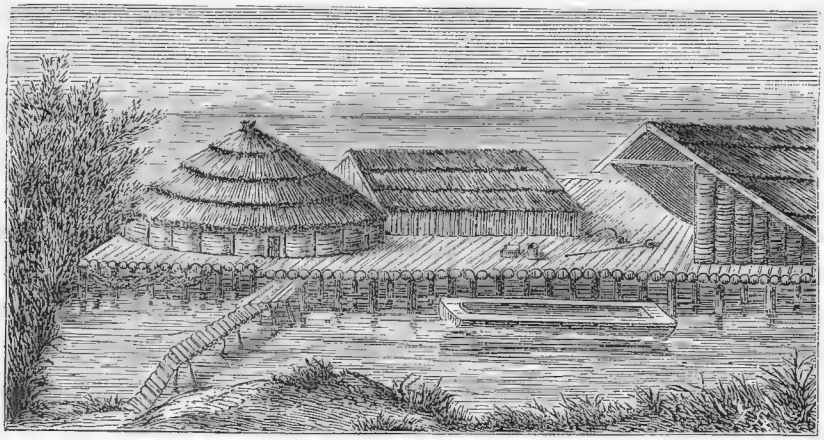
Выбирая мѣсто для поселенія, люди не могли не обратить вниманія на воду и на тѣ удобства, которыя она представляетъ: вода необходима для питья какъ человѣку, такъ и животному, она освѣжаетъ купающагося, своими испареніями умѣряетъ жары и доставляетъ рыбъ, питаться которыми, какъ мы знаемъ, человѣкъ началъ довольно рано. Живя на берегу рѣки, человѣкъ замѣтилъ, какъ дерево въ водѣ не тонетъ, какъ животныя и онъ самъ, а плаваетъ. Отсюда уже одинъ только шагъ къ

тому, чтобы сдѣлать себѣ нѣчто въ родѣ плота, лодки и пользоваться ими въ случаѣ надобности для переѣздовъ. Понятно, поэтому, что первыя поселенія должны были возникнуть на берегахъ рѣкъ и озеръ, близь рощъ или у опушки лѣса, въ мѣстахъ плодородныхъ и удобныхъ какъ для земледѣлія, такъ и для скотоводства.

Человѣкъ посѣялъ хлѣбныя зерна и природа вознаградила ему труды его: онъ не только можетъ прокормиться до будущаго сбора, но и дѣлаетъ запасъ на случай неурожая. Вотъ ему понадобилась кладовая, но при помощи дерева, которое растетъ невдалекѣ, надобность его удовлетворена. Когда отецъ занимается хлѣбопашествомъ, дѣти ходятъ за стадомъ. Но вотъ солнышко закатилось, настаетъ ночь, этотъ злой союзникъ воровъ и разбойниковъ. Гдѣ-же дѣтямъ оставаться въ это время въ степи? Да еслибъ они и остались, то едва-ли имъ удастся справиться съ волкомъ, или злымъ человѣкомъ, если тотъ или другой пожелаютъ подъ прикрытіемъ ночи осуществить свои злодѣйскіе замыслы. Не идти-же отцу, потрудившемуся весь день на полѣ, сторожить ночью стадо. И вотъ послѣднее къ концу дня загоняется домой, потому что оно имѣетъ свой хлѣвъ или свой дворъ близь дома хозяина. Это тѣмъ болѣе необходимо, что съ наступленіемъ зимы незачѣмъ выгонять его въ поле, а нужно заготовить кормъ дома въ видѣ сѣна и соломы. Въ то время когда мужчины пасутъ стада и обработываютъ землю, женщины занимаются домашними работами. Съ теченіемъ времени люди научились прясть и ткать, и эти-то занятія, вмѣстѣ съ шитьемъ, являются главными въ средѣ женщинъ. Онѣ тоже не забываютъ приготовить кушанье своимъ мужьямъ и дѣтямъ, доятъ коровъ, ухаживаютъ за домашнею птицею и тѣми животными, которыхъ не угоняютъ въ поле.

Но не всѣ люди были такъ счастливы, чтобы мочь выбрать вполнѣ удобныя мѣста для постройки постоянныхъ жилищъ. Иногда и жителямъ лѣсовъ приходила охота обзавестись домомъ, а тогда такое намѣреніе обыкновенно встрѣчало помѣху со стороны хищныхъ животныхъ и другихъ людей — дикарей-охотниковъ, которые не оставили бы поселенцевъ въ покоѣ. Но человѣкъ и тутъ выпутался изъ бѣды: нельзя было строиться на сушѣ, такъ онъ строился на водѣ. Въ озерѣ, недалеко отъ бе-

рега, вбивались сваи, на которыхъ устраивался помостъ и потомъ уже строили себѣ хижины. Помостъ соединялся съ берегомъ посредствомъ моста, часть котораго, вѣроятно, состояло изъ подвижныхъ досокъ, убиравшихся на ночь для большей безопасности. Въ рѣкахъ такихъ построекъ не дѣлали, такъ какъ сила



теченія воды могла со временемъ разрушить и унести то, что стоило многихъ трудовъ; въ озерѣ-же, гдѣ теченія нѣтъ, сваи стояли гораздо прочнѣе. Остатковъ такихъ свайныхъ построекъ находятъ очень много въ Швейцаріи, Германіи и Даніи. О древности ихъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что многія озера, въ которыхъ находятъ остатки такихъ жилищъ, успѣли уже обратиться въ трясины и болота. Геродотъ, жившій до насъ за 2,200 лѣтъ, видѣлъ такія постройки и обитавшихъ въ нихъ людей на Балканскомъ полуостровѣ. Вотъ что разсказываетъ онъ по этому поводу: «Ихъ дома построены слѣдующимъ образомъ: на высокихъ сваяхъ, стоящихъ въ озерѣ, сдѣланъ большой помостъ, который сообщается съ берегомъ только посредствомъ узенькихъ мостиковъ. У каждаго жителя своя хижина на помостѣ съ дирою въ полу. Изъ боязни, чтобъ дѣти не провалились въ эту диру, ихъ привязываютъ за ногу веревкой. Вмѣсто сѣна они даютъ лошадямъ и вьючному скоту сушеную рыбу, которой здѣсь такое множество, что если опустить черезъ диру въ воду мѣшокъ, то онъ скоро наполняется рыбою». У насъ въ Россіи, въ Орловской губерніи, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, есть озеро Бортынь, которое иногда выбрасываетъ полуизгнившія сваи и доски, скованныя мѣдными гвоздями; изъ этого видно, что и въ

предѣлахъ нашего отечества въ незапамятную старину встрѣчались такія постройки, о какихъ говоритъ Геродотъ.

Вотъ какъ люди, много лѣтъ проскитавшись звѣроловами и кочевниками, пришли наконецъ къ осѣдлой жизни. Селились они семьями, но когда семья размножалась, то одной хижины было недостаточно и вокругъ возникали новыя. Такимъ образомъ явились цѣлыя *села* обитаемыя членами одного рода. Родичи владѣли землею, лѣсомъ и всѣми угодьями сообща, подчиняясь одному родоначальнику или старшинѣ, который наблюдалъ за порядкомъ, смотрѣлъ, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло, мирилъ ссорившихся и т. д. Вскорѣ положеніе людей (съ Божьею помощью) въ значительной степени улучшилось: они стали богаче, получили больше удобствъ. Будучи привязаны къ своему дому, они не легко сдвигались съ мѣста и потому старались пріобрѣтать болѣе мирнымъ трудомъ, чѣмъ грабежемъ. Въ то время, когда охотничіе и кочевые роды, встрѣчаясь другъ съ другомъ, непремѣнно заводили драку, осѣдлые роды вступаютъ между собою и въ мирныя сношенія. Одинъ родъ, благодаря своему мѣстоположенію у большаго озера, ловитъ много рыбы, но сильно нуждается въ пушистыхъ шкурахъ лѣсныхъ животныхъ, такъ какъ по близости лѣса нѣтъ; другой, наоборотъ, можетъ добыть шкуръ сколько угодно, но за то не имѣетъ рыбы. Вотъ и завязываются мирныя сношенія, происходитъ обмѣнъ мѣховъ на рыбу; обѣ стороны получаютъ то, въ чемъ нуждаются, обѣ стороны оказываютъ другъ другу пользу. Таково *начало торговли*.

Но не только торговыя дѣла заставляютъ стараться людей жить въ мирѣ другъ съ другомъ; это нужно и въ виду общей опасности. Мы уже видѣли, какъ ухищрялись лѣсные осѣдлые жители для доставленія себѣ безопасности отъ охотничьихъ племенъ. Такая-же опасность грозила «полянамъ», т. е. жившимъ не въ лѣсахъ, отъ родовъ, ведшихъ кочевую жизнь, которые были не прочь пограбить съ цѣлью воспользоваться трудомъ земледѣльца. Притомъ иногда случалось, что тотъ или другой не хотѣлъ жить мирно въ селѣ, удалялся въ лѣса, собиралъ вокругъ себя ватагу такихъ-же удальцовъ какъ самъ и пускался разбойничать и грабить сосѣднія поселенія. Противъ такихъ головорѣзовъ и противъ кочевниковъ нужно было всегда держать себя на сторожѣ; не удивительно

поэтому, что сосѣднія села или роды составляютъ между собою союзы. Особенно опасными врагами являлись кочевники, племена которыхъ бывали чрезвычайно многочисленны. Они, шляясь по степямъ, набѣгали и на случавшіяся по пути поселенія. И вотъ осѣдлые земледѣльцы рѣшаютъ, что нужно имъ противодѣйствовать общими силами. Въ мѣстахъ, гдѣ болѣе часто появляются кочевники, они строятъ крѣпости, состоящія изъ рвовъ, окоповъ и деревянныхъ стѣнъ. Въ эти то *огороженныя* мѣста которыя потому и стали называться *городами*, во время общей опасности стекаются мирные жители сосѣднихъ странъ, вмѣстѣ со своими пожитками и стадами, и тамъ, за укрѣпленіями, отбиваются отъ враговъ, которымъ на сколько легко захватить открытую деревню, на столько трудно вломиться въ окруженный рвомъ, валомъ и стѣною городъ. Правда, кочевники, напавъ на заселенную страну, нанесутъ ей громадный вредъ даже и тогда, когда города взять не удастся, они уничтожатъ растущій на полѣ хлѣбъ, сожгутъ постройки, однако не успѣютъ ни захватить стадъ, ни перебить людей. Но земля на слѣдующій годъ воротитъ убытки, причиненные набѣгомъ, а лѣсовъ въ тѣ времена была бездна, значитъ построиться можно, а потому и вредъ, нанесенный кочевниками, скоро сглаживается, благодаря трудолюбію земледѣльцевъ.

При постройкѣ города трудовъ требуется гораздо болѣе, чѣмъ при постройкѣ деревни; деревней пользуется одинъ родъ, городомъ—всѣ сосѣдніе: значитъ и постройка города дѣло общее, и всѣ тѣ, которые хотятъ пользоваться убѣжищемъ во время войны, должны принимать участіе и въ постройкѣ города. Тутъ надобенъ опять союзъ родовъ. Такимъ образомъ обстоятельства сами собою складываются такъ, что ведутъ къ постоянному союзу между отдѣльными селами. Они соединяются другъ съ другомъ для торговли, для общей защиты; а иногда, заслышавъ о приближеніи степняковъ, сами собираются на нихъ войною, идутъ въ степи, чтобы прогнать разбойниковъ и такимъ образомъ предохранить свои поля и дома отъ раззоренія. Каждымъ селомъ въ отдѣльности управлялъ старшина или родоначальникъ, но коли возникало дѣло, одинаковымъ образомъ касавшееся всего околодка, то собиралось такъ называемое *вѣче*, т. е. собраніе жителей союзныхъ селъ, которое и разсуждало объ этихъ об-

щихъ дѣлахъ. Мѣстомъ такихъ сходокъ обыкновенно бывалъ городъ. Вѣче собиралось или въ постоянные сроки, напр. разъ въ годъ, разъ въ мѣсяцъ, или не соблюдая срока, напр. въ виду угрожавшей опасности. Такъ какъ на вѣче собирались жители различныхъ селъ, то приходилъ туда и тотъ, кто нуждался въ рыбѣ, и тотъ кто въ мѣхахъ, и тотъ кто въ скотѣ, и тотъ кто въ хлѣбѣ и т. д. Поэтому, во время вѣчевыхъ собраній удобнѣе всего было вести торговыя дѣла, то есть обмѣнивать предметы излишніе на недостающіе. Такимъ образомъ періодическія вѣча являлись въ то-же время и ярмарками, а такъ какъ вѣча собирались въ городахъ, то здѣсь главнымъ образомъ начала развиваться и *торговля*.

Такъ-то жили Арійцы въ незапамятную старину, такъ-то они съ вѣками переходили отъ звѣроловнаго быта къ пастушескому, отъ пастушескаго къ осѣдлому, земледѣльческому. Предки русскаго народа, славяне, жили уже такою осѣдлою жизнью болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до насъ.

Но объ нихъ мы разскажемъ впослѣдствіи.

Б. Павловичъ.

ОЛЕНЬКА.

Дядя, разскажи сегодня исторійку про кого нибудь, кто въ самомъ дѣлѣ жилъ на свѣтѣ, просила толпа маленькихъ племянниковъ и племянницъ, окружая своего баловника-дядю, спокойно усѣвшагося передъ каминомъ.

— Ну, хорошо, такъ и быть, я вамъ разскажу про одну дѣвочку, которая въ самомъ дѣлѣ жила на свѣтѣ и которую я самъ зналъ, даже очень хорошо зналъ. Звали ее Оленькой и жила она въ большомъ домѣ, какъ разъ противъ моихъ оконъ. Разъ — это было, какъ теперь помню, въ четвергъ на Вербной недѣлѣ — вижу, Оленька моя выходитъ изъ дома съ своей нянюшкой, надѣта на ней новенькая розовая шляпочка и сама она такая же розовенькая, какъ ленты шляпочки, и веселенькая, какъ ясный Божій день. Я ссйчасъ догадался, что Оленька идетъ на вербочки и не ошибся. Мамаша подарила ей въ это утро 3 р. сер. и она спѣшила истратить ихъ, маленькая мотовочка. Пришла Оленька на вербы, ходитъ тамъ, все осматриваетъ, розовенькая шляпочка ея мелькаетъ то у одного стола съ игрушками, то у другаго, но нигдѣ она не останавливается на долго, ничего ей особенно не нравится. Вдругъ глаза ея упали на огромную прелестную куклу, возвышавшуюся надъ разными колясочками, солдатиками, лошадками. Оленька остановилась. Много видала она куколъ на своемъ вѣку, и у нея въ дѣтской ихъ было штукъ 5, 6, но такой прелести, такой миленькой куколки никогда нигдѣ она не видывала! Что за глазки, что за локончики спускаются по ея бѣленькимъ фарфоровымъ плечикамъ, и

какое хорошенькое платьице надѣто на ней! А подлѣ разложено все ея приданое: тутъ виднѣется и шапочка, и шубка, и нѣсколько платьевъ одно другаго милѣе, и тоненькія рубашечки, обшитыя кружевцами, и даже чулочки и башмачки, да такіе маленькіе, хорошенькіе башмачки, что такъ бы разцѣловалъ ихъ! Эту куклу Оленька должна купить, безъ нея она не можетъ жить на свѣтѣ! Она упрашиваетъ нянюшку приторговать ей эту драгоцѣнность.

«Что стоитъ?» спрашиваетъ нянюшка, указывая купцу на куклу.

— Шесть рублей-съ, ни копѣйки меньше; сами видите, какая славная куколка.

Лицо Оленьки омрачилось. Шесть рублей, а у нея всего три!

«Уступите за три, пожалуйста уступите,» умоляющимъ голосомъ проситъ она купца.

— Помилуйте, барышня, какъ можно-съ! Такую то куклу! Да еще со всѣмъ гардеробомъ! Ужь такъ, что она вамъ очень нравится, могу отдать за 5 р., но ничего меньше.

«Да у меня всего три рубля», печально говоритъ Оленька, и на глазахъ ея уже блестятъ слезки.

— Ну, попросите маменьку прибавить вамъ еще рублика два, ужь за то куколку получите славную, утѣшалъ купецъ.

— «Да, я попрошу, сказала Оленька».

Она въ ту же минуту вспомнила, что за два шага отъ гостинаго двора живетъ ея бабушка, добрая бабушка, которая ни въ чемъ никогда не отказываетъ своей милой внучкѣ. Оленька бѣжитъ къ ней, разсказываетъ ей свое горе; бабушка сейчасъ же готова помочь и меньше чѣмъ черезъ полчаса розовенькая ляпочка уже опять появляется у того стола, гдѣ стояла прелестная кукла. Но ахъ! гдѣ же кукла? вотъ то горе!

Пока Оленька ходила къ бабушкѣ какой-то толстый господинъ купилъ и ея милую куклу, и съ полдюжины другихъ куколъ для своихъ внучекъ. Оленька была страхъ какъ опечалена. Напрасно нянюшка показывала ей и другихъ куколъ, и другія игрушки—наша дѣвочка ни на что не хотѣла смотрѣть. Грустная, со слезами на глазахъ пришла она домой и тамъ цѣлый день сидѣла такая печальная, что самому злому человѣку жалко

было глядѣть на нее. Напрасно маменька показывала ей хорошенькія картинки и предлагала прочитать интересную сказочку; Оленьку не занимали ни книги, ни разсказы; всѣ игрушки казались ей противными, она сидѣла въ уголку, глядѣла на всѣхъ изподлобья и грызла кончикъ своего передника, что всегда означало у нея большое горе. Къ обѣду пріѣхала ея милая бабушка, но даже и это нисколько не развеселило дѣвочку. Напротивъ, разсказывая бабушкѣ о своей неудачѣ, она еще сильнѣе расплакалась, такъ что съ трудомъ могла кушать за обѣдомъ. Послѣ обѣда бабушка сказала:

— Ну, Олечка, не довольно ли ужь тебѣ скучать? Съ кѣмъ не случается на свѣтѣ несчастій. Если бы всякій человѣкъ изъ за всякой непріятности такъ печалился, какъ ты теперь, то на свѣтѣ нельзя было бы и жить. Посмотри-ка на меня своими свѣтленькими глазками, да попробуй развеселиться!

«Бабушка, милая», жалобно проговорила Оля, «я бы и рада веселиться, да если я не могу, если мнѣ скучно».

— А сказать тебѣ, что говорила объ этомъ одна моя хорошая пріятельница? Она говорила: всякій, кто печалится, представляетъ темное пятно на Божьемъ мірѣ; онъ долженъ постараться скорѣй развеселить кого нибудь другаго, чтобы изъ за него свѣтъ не дѣлался мрачнымъ.

— Это славное правило, замѣтила маменька Оли. Вотъ Оля сегодня цѣлый день скучала и изъ за нея у насъ въ домѣ все было мрачно. Если бы она теперь поиграла съ маленькимъ Сашею, онъ засмѣялся бы и нашъ домъ опять сталъ бы свѣтлымъ.

«Конечно, сказала бабушка, я увѣрена, что Оля сейчасъ поиграетъ съ маленькимъ братцемъ. На свѣтѣ должно быть столько же смѣха, сколько слезъ. Наша бѣдная дѣвочка поплакала сегодня довольно, пусть теперь Саша столько же посмѣется, благодаря ей».

Оля подошла къ маленькому Сашѣ, давно разхаживавшему по комнатѣ съ новенькими красными возжами, и предложила ему поиграть въ лошадки. Саша, конечно, не отказался. Началась бѣготня, крикъ, смѣхъ, и когда я зашелъ полчаса, спустя, въ гости къ маменькѣ Оли, я нашелъ у нихъ въ домѣ полное весельс. Проигравъ съ братомъ до тѣхъ поръ пока нянюшка

уложила его спать, и въ этихъ играхъ почти забывъ свое утреннее горе, Оля передъ сномъ попросила мамашу прочесть ей сказочку, которую она показывала ей до обѣда. Маменька съ удовольствіемъ исполнила желаніе своей добренькой, веселенькой дочки и прочла ей очень занимательную сказку про «Благодѣтельную волшебницу». Оля и въ постель легла, все разговаривая про эту славную волшебницу, никому не отказывавшую въ помощи, и заснула съ мыслью о ней. Ночью ей приснился странный сонъ.

Вотъ какъ она сама разсказывала его и мнѣ, и всѣмъ, кто хотѣлъ ее слушать: «Вижу я, точно я иду по какому то большому, красивому лугу, и иду я одна, и все кругомъ такъ хорошо, такъ свѣтло. И чѣмъ дальше я иду, тѣмъ все свѣтлѣе становится. Вдругъ вижу я гору, и на этой горѣ стоитъ золотой тронъ, и на этомъ тронѣ сидитъ царица, такая красивая, въ золотомъ блестящемъ вѣнцѣ. И около нея стоитъ много ангельчиковъ и всѣ они что-то такое дѣлаютъ съ радугами. А я и спросила у царицы: «Что такое дѣлаютъ эти ангельчики»? А царица говоритъ: «Они дѣлаютъ счастье для всѣхъ людей на землѣ! И вдругъ ангельчики запечалились, бросили радуги и прилетѣли къ царицѣ. Царица спросила у нихъ: что съ вами? о чемъ вы печалитесь? А одинъ изъ нихъ говоритъ: радуги ужь состарѣлись, изъ нихъ ничего не выходитъ и мы не знаемъ, изъ чего намъ дѣлать счастье для людей. Тогда царица сказала: «Позовите ко мнѣ всѣхъ дѣтей какія есть на землѣ». И вотъ ангельчики стали созывать дѣтей. Когда всѣ дѣти собрались, царица сказала: «Дѣточки, у насъ не хватаетъ счастья на всѣхъ людей, помогите ка намъ. Идите назадъ въ свои дома и постарайтесь каждый день заставить кого нибудь улыбнуться отъ радости. Изъ всякой такой улыбки мы сдѣлаемъ счастіе. Васъ много милліоновъ дѣтей на землѣ, и если вы дадите намъ милліоны улыбокъ, то на всей землѣ будетъ свѣтъ и радость».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого я зашелъ какъ то разъ къ Оленькинымъ родителямъ и, посидѣвши съ ними въ гостиной, пробрался въ комнату Оленьки. Вхожу, смотрю: моя дѣвочка сидитъ за своимъ маленькимъ столикомъ, около нея разложены разныя ея игрушки и она надъ чѣмъ то сильно задумалась.

«Чѣмъ это ты такъ занята, душенька?» спросилъ я, видя что она даже не замѣтила, какъ я вошелъ.

— Ахъ, дядя, не мѣшай, проговорила она, у меня важное дѣло!

Оленька не была мнѣ племянницей, но мы съ ней были большіе пріятели и она привыкла называть меня дядей еще съ тѣхъ поръ, когда была совсѣмъ крошечной дѣвочкой на рукахъ у няни.

«Важное дѣло?» удивился я. «А нельзя ли же знать, какое? Можетъ, я тебѣ и помогу въ чемъ нибудь?»

— Да вотъ видишь ли, дядя, ты помнишь мой сонъ про счастье, я тебѣ его разсказывала третьяго дня? Съ тѣхъ самыхъ поръ мнѣ все такъ хочется помочь доброй волшебницѣ дѣлать людей счастливыми!

«Ну, и какъ же ты помогаешь?

— Да вѣдь для этого нужно, чтобы по больше людей смѣялось; я все и стараюсь чѣмъ-нибудь порадовать всѣхъ моихъ знакомыхъ дѣтей. Вчера я цѣлое утро забавляла Сашу и онъ такъ смѣялся, что изъ его смѣха навѣрно выйдетъ много счастья. А вечеромъ къ намъ на дворъ пришла нищенка и у нея было четверо маленькихъ дѣтей, я и отдала имъ всѣ деньги, которыя мама и бабушка подарили мнѣ на вербочки; они стали такъ весело улыбаться и благодарили меня, и я думаю, что ихъ улыбки также пригодятся ангельчикамъ для дѣланья счастья.

— «Ну, а теперь же объ чемъ ты такъ задумалась?»

— А теперь вотъ о чемъ. Ходитъ къ намъ прачка бѣлье стирать, такая блѣдная, больная. У нея шесть человѣкъ дѣтей; я ихъ видѣла разъ; одинъ мальчикъ былъ боленъ и мы съ мамой носили ему бульону и лекарства. Когда эта прачка уходитъ куда нибудь работать, она запираетъ дѣтей въ комнатѣ и имъ очень скучно сидѣть однимъ взаперти. Вотъ я придумала, чтобы развеселить ихъ, подарить имъ игрушекъ. Надо мнѣ теперь выбирать кому что дать; я и думала объ этомъ, когда ты вошелъ.

«Ну это мысль добрая», сказалъ я, сѣлъ на полъ подлѣ Оленьки и мы съ ней скоро отыскали, кому изъ дѣтей что подарить. Оленька не пожалѣла ни одной изъ своихъ игрушекъ. Когда я сказалъ, что сыновья прачки вѣрно не разъ засмѣются,

разставляя звѣрковъ Ноева ковчега, она съ удовольствіемъ отдала имъ всѣхъ барашковъ, козочекъ, коровокъ, которыми сама такъ любила играть въ зимніе вечера; вспомнивъ, какъ много она смѣялась надъ картинками одной хорошенькой книжки, она принесла и эту книжку, въ послѣдній разъ перелистала ее и съ веселымъ личикомъ положила въ кучу отобранныхъ нами игрушекъ.

Только что мы кончили нашу работу, въ компату Оли вошла няня ея.

«Вотъ-то горе», сказала она, обращаясь ко мнѣ, отдала я своего сына въ школу, а онъ пришелъ теперь домой весь въ слезахъ, говоритъ: учитель задалъ урокъ, а я не успѣлъ выучить. Я сама неграмотная, не могу ему помочь, не знаю просто, что дѣлать.

— Бѣдный Ѳедя! вскричала Оленька; какой же урокъ ему задали?

«Да я не знаю, барышня, вотъ я позову его къ вамъ, пусть самъ скажетъ».

Черезъ нѣсколько минутъ няня возвратилась, ведя за руку здоровеннаго, но заплаканнаго мальчугана, лѣтъ десяти. Оказалось, что онъ всего еще три дня ходитъ въ школу; учитель показывалъ ему азбуку и теперь задалъ повторить нѣкоторыя буквы, а мальчуганъ никакъ не могъ вспомнить, какъ называется которая изъ нихъ.

«Я знаю буквы!» вскричала Оленька; «я ужь и читать немножко умѣю! Давай, Ѳедя, я тебѣ покажу!»

Дѣти усѣлись тутъ же за маленькимъ столикомъ; Оленька водила своимъ крошечнымъ бѣленькимъ пальчикомъ по строкамъ азбуки и самымъ терпѣливымъ образомъ объясняла, что вотъ этотъ крендель называется В, а если стоятъ двѣ палочки съ перекладинкой, такъ это Н, а если безъ перекладинки — П, а если съ косою перекладинкой — И и т. д.

Когда я вошелъ въ дѣтскую полчаса спустя, Ѳедя уже безъ ошибки называлъ всѣ буквы и смотрѣлъ весело, бойко на свою учительницу. Оленька же, указывая мнѣ на его широкую улыбку, шепнула: вотъ и еще счастье сдѣлала!»

Я не могъ удержаться, чтобы не обнять и не разцѣловать милую дѣвочку.

И не думайте, чтобы Оля только нѣсколько дней помнила свой чудный сонъ. Нѣтъ! я встрѣтилъ ее много лѣтъ спустя и видѣлъ какъ всюду, гдѣ она появлялась, всѣ лица прояснялись, начинался смѣхъ, веселье, все смотрѣло свѣтло и счастливо.

«Дядя», замѣтила маленькая Соня, внимательно слушавшая весь разсказъ дяди, «да вѣдь это же все не правда, что изъ дѣтскихъ улыбокъ дѣлается счастье и что есть добрыя волшебницы? Вѣдь неправда»?

— Ну, я волшебницъ не видалъ, отвѣчалъ дядя, и не видалъ также изъ чего дѣлается счастіе людей, а знаю я только вотъ что: съ тѣхъ поръ какъ Оленька стала стараться, чтобы побольше людей на свѣтѣ улыбалось — и сама она, и ея мамаша, и ея папаша, и ея бабушка, и ея маленькій братецъ, и ея няня стали гораздо счастливѣе, чѣмъ были прежде. Да и я всегда приходилъ отъ нихъ такой веселый и довольный, что моя комната казалась мнѣ вдвое свѣтлѣе прежняго и всякая работа какъ то легче шла у меня. Отчего это дѣлалось—придумайте сами, если не вѣрите въ волшебницъ.

С. Махова.

ЗАНЯТІЯ И ИГРЫ

ВЫШИВАНІЕ.

Владѣть иголкою, умѣть шить, штопать и вышивать маленькимъ чрезвычайно пріятно, большимъ необходимо. Сначала люди шили только жилами въ родѣ струнъ, узкими обрѣзками кожи, лыкомъ съ нѣкоторыхъ деревъ, сухими травами въ родѣ льна, новозеландскаго льна кокоса, юты, и т. п. волокнистыми растеніями. Самое шитье было очень похоже на нынѣшнее точеніе сапоговъ: въ краяхъ обоихъ сшиваемыхъ кускахъ надо было сначала проткнуть дыру и потомъ продѣть въ нее остроскрученный конецъ нитки; дырки протыкались колючками, шипами разныхъ растеній или тонкими острыми костями въ родѣ рыбьихъ засушенныхъ реберъ и т. п. Такое шитье, хотя мѣдленное и дорогое, можно и теперь видѣть во всѣхъ тѣхъ странахъ, куда рѣдко заѣзжаютъ европейцы съ издѣліями своихъ фабрикъ и заводовъ, куда не завозятъ иголокъ, нитокъ и т. п. Всѣ кому случалось видѣть работы этихъ полудикихъ племянъ, удивляются съ какимъ искуствомъ и какъ прочно сшиты платья, и можно себѣ представить сколько труда и заботы потрачено на каждый шовъ, на каждую строчку пестроцвѣтнаго украшенія, которыя такъ любятъ всѣ полуобразованные народы. Мы тоже будемъ шить; но прямо начнемъ съ иголки съ цвѣтною ниткою, лучше всего шерстяною, потому, что она не такъ легко рвется.

Начнемъ съ того, что по приложенному рисупку (фиг. 1), тамъ гдѣ проведена цвѣтная черта прошьемъ цвѣтную шерстинку. Чтобы работа вышла хороша нужно иголку протыкать

именно въ то самое мѣсто, гдѣ кончается цвѣтная полоска. Попасть въ эту точку сверху не трудно; гораздо болѣе вниманія требуетъ прокалываніе снизу или проведеніе иголки снизу вверхъ.

Но если вы прошли школу выкалыванія по системѣ Фребеля, то это не составитъ для васъ затрудненія, въ противномъ случаѣ берите чистые листочки приложенные здѣсь и дѣлайте то, что вамъ укажутъ *), начавъ съ первой фигуры. Затѣмъ продолжайте прошивать по одной фигурѣ въ день, сначала только на тѣхъ бумажкахъ, гдѣ есть цвѣтныя линіи, и прошивать такъ, чтобы шерстяная нитка закрыла совершенно цвѣтную линію.

Потомъ, когда вы всѣ листы зашили, попробуйте шить совершенно такіе же узоры на бумажкахъ совершенно чистыхъ, которыя только разчерчены на квадраты, величины соотвѣтствующей прилагаемымъ рисункамъ.

На этихъ разграфленыхъ бумажкахъ вы можете и сами рисовать различные узоры, которые можете зашить въ послѣдствіи и шерстинками и шелчинками.

Ни въ какомъ случаѣ не бросайте сдѣланной работы, а сберегайте въ конвертѣ, который конечно сами съумѣете сдѣлать.

Чѣмъ клѣтки мельче, тѣмъ труднѣе хорошо вышивать то есть тѣмъ аккуратнѣе нужна работа, а именно тѣмъ ровнѣе должны быть всѣ промежутки между нитками, и тѣмъ ровнѣе должны быть послѣднія притянуты.

Ежели бы вамъ не посчастливилось вышить акуратно сразу узоръ, вы можете сами, помощію прокалыванія, перевести узоръ на чистую толстую бумагу, а еще лучше на дамскій картонъ.

Когда 4—6 лѣтніе дѣти передѣлаютъ всѣ приложенные узоры, тогда можно приступить къ шитью на канвѣ и въ послѣдствіи на конвовой бумагѣ.

*) См. Практическій руководитель къ играмъ Фребеля, изд. Я. Фоссъ.

ДИТЯ ПЛОТНИКЪ.

Подъ этимъ названіемъ издана коробка, содержащая въ себѣ много деревянныхъ досчечекъ, круглыхъ палочекъ, деревянныхъ и пробковыхъ кружечковъ, шпилекъ и молоточекъ, предназначенныхъ къ тому, чтобы каждый могъ самъ себѣ и своимъ младшимъ братьямъ дѣлать различныя игрушки, и именно такія, какія ему нравятся.

Чтобы сдѣлать то, что придетъ самому въ голову, или что попроситъ другой, нужно быть уже довольно ловкимъ и къ работѣ привычнымъ.

Чтобы пріобрѣсти нѣкоторую ловкость нужно по чаще работать; для упражненія въ работѣ дается нѣсколько листочковъ рисунковъ, образцы которыхъ мы прилагаемъ здѣсь. Разсмотрѣвъ внимательно рисунокъ, каждому легко узнать какой матеріалъ нуженъ и какъ его связать. Отобравъ матеріалъ нужно самому его прилаживать и сколачивать, при этомъ необходимо наблюдать, чтобы всѣ углы были прямые.

Коробочка со всѣми принадлежностями стоитъ не дорого—купить ее можно за 1 рубль—но гораздо пріятнѣе, купивъ только молоточекъ и шпильки, самому заготовлять себѣ всѣ деревянныя досечки и палочки. Для заготовленія досчечекъ возьмите ольховую или сосновую доску, толщиною въ $^1/_8$ дюйма, разчертите ее на такія полосы какой ширины желаете имѣть досчечки и потомъ по чертамъ пропилите, или прорѣжте насквозь. За тѣмъ изъ длинныхъ узкихъ полосъ, которыя будуть замѣнять

вамъ доски, напилите или нарѣжьте ножемъ досчечки требуемой длины.

Круглыя палочки, имѣющія замѣнить вамъ бревна, приготовлять нѣсколько труднѣе. Изъ доски въ 1/4 дюйма надо напилить квадратные брусочки (шириною тоже въ 1/4 дюйма) длиною въ 1/2 или даже въ цѣлый аршинъ; затѣмъ ножемъ, а еще лучше рубанкомъ, на столярномъ верстакѣ, скруглите углы сколько возможно болѣе; но такъ какъ этою работою вы все таки не получите совершенно круглой палочки, то сдѣлайте такъ: въ кускѣ твердаго дерева (напримѣръ въ отрѣзкѣ доски березовой) просверлите буравчикомъ или коловоротомъ дырку такой величины какъ толсты должны быть ваши бревешки. Затѣмъ, заостривъ конецъ вашей скругленной палочки вставляете ее въ просверленную дырочку и прогоняете палочку во всю ея длину сквозь эту дырку, ударяя молоткомъ по верхнему ея концу; когда этотъ конецъ сравнялся съ доскою, тогда берете вторую палочку, наставляете ее надъ первою и продолжаете колотить точно также. Первая палочка, пройдя сквозь тѣсное отверстіе, выйдетъ изъ него совершенно гладкою, какъ точеная. Само собою разумѣется, что доску съ дырочкою надобно укрѣплять на столько высоко отъ пола, чтобы она могла свободно пройти—удобнѣе всего дѣлать это въ столярномъ верстакѣ такомъ, какіе продаются напримѣръ въ «Русской Книжной торговлѣ». Начало подробнаго наставленія къ столярному искуству вы найдете въ будущемъ нумерѣ этого журнала.

АЗБУЧНЫЕ ЛИСТЫ.

Эти листы даны разумѣется для того, чтобы младшіе братья и сестры могли помощію ихъ научиться читать. Какъ этого достигнуть разсказано въ книжечкѣ приложенной здѣсь—ее прочтетъ тотъ кто захочетъ съ пользою учить другихъ. Но чтобы сберечь эти листы совѣтуется вотъ что сдѣлать:

1) Каждый изъ этихъ листовъ наклеить на тонкую папку. Чтобы они наклеивались гладко, безъ морщинъ, надо намазывать не папку, а лѣвую сторону листка на которомъ напечатана азбука; потомъ, наложивъ его на папку прикройте какою либо бумагою (въ родѣ старой газеты) и пригладьте сквозь бумагу

платкомъ, полотенцемъ или чѣмъ либо въ этомъ родѣ, водя рукою въ одну сторону, а не взадъ и впередъ.

2) Когда папка высохнетъ надо разрѣзать ножомъ, по линейкѣ, всѣ листы отдѣльно по буквамъ. Затѣмъ

3) Сдѣлайте коробку въ 36 отдѣленій по числу буквъ, каждое отдѣленіе такой длины и ширины какъ велики буквы (какъ сдѣлать коробки разсказано въ книжечкахъ «картонажное» и «переплетное искуство»). На дно каждаго отдѣленія наклеите одну букву—и, затѣмъ, всѣ буквы разложите по своимъ мѣстамъ. Наконецъ подарите эту коробку младшимъ въ семьѣ, которымъ надо учиться или передайте тому кто будетъ учить.

Ю. С.